

Зов серебра

Автор:

Татьяна Корсакова

Зов серебра

Татьяна Владимировна Корсакова

Тайна старого поместья #6

Ева не помнит своего детства, сторонится людей и физически не выносит ничьих прикосновений. Помочь в ее проблемах не может даже опытный психиатр. Но однажды девушка решается отправиться в Чернокаменск к единственному человеку, который обещает ей лекарство. Правда, прибыв на место, Ева узнает, что пригласивший ее старик зверски убит. Самое время бежать, но город уже тянет к ней свои щупальца, тревожа странными тенями воспоминаний, а в ушах звучит таинственный шепот, зов ее серебряной крови – и дающей благословение, и таящей самую большую опасность.

Татьяна Корсакова

Зов серебра

© Корсакова Т., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Дождь зарядил от самой Перми. Сначала это был самый обыкновенный летний дождь, каких в Евиной жизни было немало. Но время летело, бросалось под колеса машины, послушно трансформируясь в километры, а дождевые капли барабанили по лобовому стеклу все неистовее и неистовее. Сперва только капли, затем живьем сдираемые с вековых сосен шишки и мелкие ветки. Пока еще мелкие...

Ненастье нельзя было назвать грозой – нигде не сверкало, не гроыхало. Шум дождя заглушал льющийся из динамиков аудиосистемы рев. Ревел Влад Воронин, он же Ворон, солист и основатель «Фаренгейта», одной из популярнейших в стране рок-групп. Качественно, между прочим, ревел, с душой! Не верилось даже, что такое вообще возможно, чтобы обычный человек мог с одинаковой легкостью исполнить оперную арию в совершенно классической, академической даже манере и издавать вот такой звук. Рев, надо сказать, успокаивал Еву куда сильнее, чем скучная классика. Наверное, только поэтому эстет и аристократ Герман не предпринимал попыток бороться с подобным дурновкусием. Ну, или, возможно, потому, что с Вороном был знаком лично и считал его «человеком весьма достойным, несмотря на некоторую андеграундную придурь». Гера вообще являлся специалистом по придуре, знал все ее оттенки и нюансы, иногда пытался с ней бороться, но чаще отпускал с миром. За что Ева была особенно ему благодарна.

Ее Гера тоже отпустил. Ох, как ему не хотелось! До такой степени, что он даже попытался прибегнуть к пошлomu шантажу – прикинулся больным, едва ли не смертельно. Но и Ева была не лыком шита, в вопросах манипуляций и придуре могла обставить любого, а уж тем более Геру, который в ней души не чаял.

В тот их разговор Гера не подал вида, что расстроен или взволнован. Он даже не дал понять, что в курсе Евиного решения. Вместо этого он внезапно занемог, причем так сильно, что Еве, мастерице придуре и манипуляций, пришлось сорваться с насиженного места и лететь к нему в Москву – проверять, так ли плохи дела, как сообщил ей Славик, Герин референт.

В отличие от Евы и Германа Славик еще не овладел в совершенстве искусством вранья, в голосе его почудилось что-то такое... смущенное. Если бы речь шла не о Гере, а о ком-то другом, Ева не стала бы даже сомневаться, послала бы Славика куда подальше, не сорвалась бы с места, чтобы проверить. Чего стоил ей перелет в Москву, знала только она одна. Впрочем, Гера тоже знал, но визит этот не отменил. А раз не отменил – значит, и в самом деле что-то случилось...

Помнится, боязнь за него пересилила все прочие страхи. Ну, почти пересилила, таблеток в заветном пузырьке стало значительно меньше. И это означало, что придется снова идти на поклон к доктору Гельцу, врать и изощряться, пытаться обмануть еще и его. Гельца обмануть было сложнее всего, но у Евы однажды получилось. Победа далась ей нелегко и не сразу. Не в первый и даже не во второй год – лет через пять. Нет, через пять с половиной! Чтобы добиться своего и перетащить доктора Гельца из стана врагов в стан пусть не друзей, но сочувствующих, ей пришлось совершить невозможное, стерпеть то, что вытерпеть было почти нереально.

Вытерпела! Сжала зубы с такой силой, что выкрошились пломбы, улыбалась сквозь сцепленные зубы и из последних сил старалась не сорваться. Такой пронзительный и такой наивный доктор Гельц, лучший из лучших, почти гениальный, так и не понял, что нужно было подождать еще лишь пару мгновений, чтобы Ева окончательно слетела с катушек. Не слетела, но почти возненавидела. За все годы мучений, за вот такую, кровью и зубным скрежетом давшуюся победу.

Или это была не окончательная победа? Не то чтобы Еву совсем оставили в покое, но границы того, что она считала клеткой, а Герман с доктором Гельцем – разумной осторожностью, расширились до такой степени, что она получила возможность жить так, как ей хочется, не оглядываясь на чужие сомнения и страхи. Ей и своих хватало. Только рассказывать о них Ева никому не собиралась: ни Гере, ни уж тем более Гельцу. И про свой визит в Чернокаменск она тоже ничего не говорила. Наверное, Гера как-то сам узнал, по своим каналам, которых было превеликое множество. Оттого и занемог, даже в больничку залег – в комфортабельную виповскую палату в крутейшем медицинском центре, строительство которого сам же когда-то и профинансировал.

На том и спалился! Еве ли не знать, что собственный медцентр – это баловство и блажь, что, когда Геру прижимало по-настоящему, он ложился в клинику знаменитого профессора Александра Рудазова, только ему доверял свое покалеченное тело. Так же, как только Гельцу доверял Евину покалеченную душу, или что там у нее было вместо души?

...Страдания Гера изображал старательно и вполне удачно, даже бледность свою аристократическую сумел обратить себе на пользу, щеки втянул так, что вырисовались, обострились скулы. А щеки, кстати, аккуратно выбритые, дорогим лосьоном сбрызнутые. Запах лосьона Ева почуяла сразу, как только переступила порог виповской палаты. А вот запаха лекарств не почуяла, хоть внушительная батарея пузырьков и бутылочек демонстративно выстроилась на прикроватной тумбочке, на самом виду. Специально для Евы, блудной сестрицы.

- Слышала, ты помирать собрался! - Здороваться она не стала, а уж тем более лобызаться по-родственному. Да Гера и не ждал от нее такого чуда. - Гроб уже заказал?

Она сбросила рюкзак на пол и уселась в весьма комфортабельное и навороченное инвалидное кресло, в который уже раз дивясь его функциональности и ненавидя себя за такие вот гаденькие мысли.

- Пересядь. - Гера поморщился. На сей раз гримаса получилась искренней. Ну не любил братец, когда Ева садилась в его кресло. А она, наоборот, любила. Ей нравились и едва уловимый запах Гериного одеколona, впитавшийся в кожаную обивку, и отполированная гладкость подлокотников, и тихое жужжание электромотора. Все это приближало ее к Гере, заставляло ощутить себя частью семьи. - Пожалуйста, Евдокия!

Он всегда называл ее полным именем, когда злился или нервничал. Что сейчас? Какое чувство им двигало?

- Как скажешь. - Свое полное имя Ева не любила так же сильно, как Гера не любил видеть ее в собственном инвалидном кресле. Что это вообще за анахронизм такой - Евдокия! Бабка Авдотья какая-то! Дульсинья Тобосская... Или еще хуже, Дуся! Впрочем, Дусей ее не называл даже Гера. Попробовал однажды в Евином далеком детстве, и пришлось спешно звонить доктору Гельцу...

Кожаное кресло для посетителей было удобным, но пахло не Герой, а больничной казенщиной, очень дорогой казенщиной.

- Так как насчет гроба? Если хочешь, я могу поспособствовать, у меня есть связи.

У нее и в самом деле были связи, довольно обширные и специфические. И не беда, что распространялись они на мир виртуальный, а не реальный. Иногда виртуальный мир может оказаться куда ярче и куда полезнее.

– Я в этом даже не сомневаюсь, Ева. Кстати, рад тебя видеть, сестрица!

Он и в самом деле был рад. И Ева тоже была бы несказанно рада, если бы не обстоятельства. Очень уж все подозрительно и странно. И если Гере вдруг вздумается пригласить доктора Гельца, вторую проверку она может не выдержать. Да что там! Вторую проверку она рискует не пережить. И, наверное, Гера о чем-то подобном догадывается, поэтому и предпочитает обманываться. Он, конечно, самый сильный, самый умный и самый замечательный, но и ему хочется обыкновенной, без выкрутасов семьи. Так уж вышло, что из семьи у Геры осталась только Ева. Так уж вышло, что «выкрутасы» – ее второе имя...

– Значит, передумал помирать? – В глазах вдруг защипало в тот самый момент, когда Ева только собралась пересесть из казенного кресла на ортопедическую Герину койку.

– Передумал. – Он улыбнулся нормальной своей улыбкой – не мученической, а вполне себе хищной.

Он и был хищником – акулкой бизнеса, финансовым гением. Именно его стараниями их маленькая и странная семья не только сохранила, но и значительно приумножила то, что осталось после смерти родителей. У Геры всегда как-то поразительно хорошо получалось разбираться в людях. Он чуял в них самую суть, умел совершенно незаметно для собеседника разложить его душу на составляющие, а потом собрать так, чтобы получилась необходимая комбинация. Пожалуй, в этом смысле Гера был даже получше доктора Гельца.

– Слухи о моей грядущей кончине сильно преувеличены. Ты как долетела?

– Нормально. – Пришлось снова соврать. Перелет дался ей тяжело. Билет в бизнес-класс несколько смягчил ситуацию, но не сильно. Если бы Гера не прикинулся смертельно больным... – За машину спасибо. – Он прислал за ней лимузин. Длинный, хищный, с вкусно пахнущим нутром и молчаливым водителем. Безопасный.

– Пожалуйста. Это самое малое, что я мог для тебя сделать.

Неправда! Уже который год Гера делал для нее так много, что казалось, больше уже нечего. Единственное, чего он не мог сделать, – это позволить Еве жить своей собственной жизнью. Старался изо всех сил, но не мог. Ева его понимала, поэтому не осуждала, все проявления братской любви сносила с великим смирением. Отчасти оттого, что ближе Геры у нее никого не было и быть не могло. А отчасти оттого, что где-то в ее туманном будущем постоянно маячил призрак гениального доктора Гельца с его пронизательностью и передовыми методами. Стоило только оступиться, стоило только сделать что-то не так, и Гельц решительной поступью войдет в ее новую реальность, ту самую, которую она с таким трудом построила. И Гера не поможет, потому что искренне верит в гений Гельца и не до конца верит в Евину благоразумность, потому что любит Еву и изо всех сил пытается ее защитить. Пусть даже и от нее самой. А это значит, нужно постараться и сыграть свою роль максимально хорошо, с душой. А еще отстаивать свое право на личное пространство и собственную жизнь.

– Как ты себя чувствуешь, Герик? – Все-таки она перебралась из кресла на больничную койку, присела на самый краешек, так, чтобы ничего не задеть и не потревожить. – На самом деле, как?

Он выглядел хорошо. Даже на этой своей ортопедической кровати, даже в этой напичканной медицинской техникой виповской палате. Он был красив той особенной красотой, которая дается одному на миллион – завораживающей и притягательной. Мускулистый, вихрастый, сероглазый, с ироничной усмешкой и мальчишескими ямочками на щеках. Аполлон, который по какой-то чудовищной несправедливости лишился возможности ходить. Да, у Аполлонов, оказывается, тоже бывают нерешаемые проблемы в виде травмы позвоночника... Давней травмы, последствия которой не может исправить даже гениальный профессор Рудазов.

– Теперь, когда ты рядом, я чувствую себя совсем хорошо. – Гера улыбнулся, погладил больничную простыню рядом с Евиными пальцами, и она едва удержалась, чтобы не отдернуть руку. Заметил? Пусть бы не заметил. – Настолько хорошо, что готов отправиться домой. Поехали домой, Ева!

Не дожидаясь ответа, он щелкнул пультом дистанционного управления, и кресло зажужжало мотором, послушно подползло к кровати. Гера не признавал посторонней помощи, не нанимал сиделок, поэтому окружал себя вещами,

которые позволяли ему быть почти полностью автономным. И собственному телу он не давал поблажек. Бассейн каждый день, специально оборудованный тренажерный зал через день. Еще что-то из восточных практик для укрепления чакр и силы духа. Еве казалось это лишним, с чакрами и силой духа у Геры был полный порядок, но его стремление к самосовершенствованию она уважала всем сердцем.

– Поехали! – Она спрыгнула с кровати, обогнув замершее кресло, отошла к окну. Там, за стеклом, жил своей собственной жизнью большой город. Уже давно стемнело, но он и не помышлял о покое, сиял огнями витрин, натужно сигналил клаксонами застрявших в пробках машин. – Очень хочется есть! Ты же меня покормишь, Гера?

К дому, который Гера считал их общим, а Ева чужим, их вез все тот же лимузин. Простора его салона вполне хватало, чтобы никто не чувствовал неловкости. Хорошо, что Гера обо всем позаботился. Хорошо, что у него все в порядке. Ради этого стоило вернуться в большой город, она и в самом деле соскучилась по брату. А еще у нее имелась к нему просьба. Для Геры – это было сущим пустяком, а вот Еве казалось серьезной проблемой. Зуб не переставая ныл уже вторую неделю, и стало совершенно ясно, что без стоматолога не обойтись. Вообще-то, к огромной Евиной радости, болела она до крайности редко. Можно сказать, вообще не болела. Но зубы, зубы у нее были как у всех.

– Мне нужен стоматолог, – сказала она, наблюдая, как исчезают за окном городские многоэтажки, уступая место пока еще редкому лесу. – Зуб болит. – Рука сама собой потянулась к щеке, к тому месту, которое ныло и уже начинало пульсировать. – Сделаешь?

– Почему сразу не сказала? – Гера глянул на нее искоса, а потом нажал на кнопку переговорного устройства, велел: – Васильевич, разворачивайся! Едем на Лизюковых.

– Сейчас? – Ева так испугалась, что аж холодным потом покрылась.

– А чего тянуть? Хочешь дожидаться флюса?

Флюса ждать не хотелось, но вот так внезапно...

– Гер, я ж потом буду никакая после наркоза, – попыталась она дать задний ход.

– Нормальная ты будешь после наркоза. Там знаешь какой сейчас наркоз? Шикарный, никакого отходняка.

– А врачи?

– Будут и врачи. – Он говорил и одновременно набирал что-то в своем телефоне. – Я договорюсь.

Он и в самом деле договорился. Их встречали прямо в вестибюле сияющей стерильностью и современном стоматологической клиники.

– Гер... – Ева бросила на брата беспомощный взгляд, как делала это в детстве.

– Не бойся. – Он ободряюще улыбнулся. – Я буду рядом. Заснешь, проснешься – а у тебя уже полный рот новых зубов.

– Не нужны мне новые, мне бы со старыми разобраться.

– Значит, полный рот старых, но здоровых. Давай, Ева, не дрейфь! Все будет хорошо.

Гер не обманул. Он вообще редко ее обманывал. Еве показалось, что она и не засыпала вовсе, только лишь на мгновение прикрыла глаза, как чей-то бархатный баритон тут же сказал:

– Ну все, барышня, открываем глазки! Считаем пальчики! Рассказываем дяде доктору, сколько насчитали.

– Три, – сказала Ева и провела языком по тому зубу, который ныл и мешал нормально жить. Зуб больше не болел.

– Вот и умница! Вот и прекрасно! И зубки у вас прекрасные. Один средний кариес и один поверхностный – сущие пустяки по нынешним временам. – Владелец баритона улыбался по-отечески и смотрел на Еву ласково.

– Я могу идти? – Она принялась неловко выбираться из стоматологического кресла. Едва не свалилась с ног, но никто из персонала даже не попытался ей помочь. Какие молодцы!

– Можете! – Владелец баритона еще раз улыбнулся и даже помахал Еве рукой, отпуская ее из клиники окончательно и бесповоротно.

– Спасибо! – сказала Ева так искренне и проникновенно, что улыбка доктора из вежливо-дежурной тоже сделалась по-домашнему уютной. – Спасибо вам большое!

Гера сидел тут же в кабинете, с сосредоточенным видом изучал какие-то графики на своем планшете.

– Ну, теперь поехали? – спросил, не отрывая глаз от графиков.

– Теперь поехали!

Ева задержалась в Герином доме на долгих три дня. Ровно столько она отвела себе для семейного общения. Общались много, в конце концов, они не виделись почти год, каждому было что рассказать. И только о самом главном, о том, что волновало Еву больше всего, они так и не поговорили. Ева не собиралась рассказывать, а Гера, наверное, боялся задавать вопросы. Ведь нет ничего плохого в том, что хочется верить, будто единственная сестра стала-таки нормальным человеком, которого можно наконец отпустить с миром. Или в мир. Оставить кое-какие ограничения, но все равно отпустить. Да и не знал Гера ничего наверняка. Ева была очень осторожна, травмировать брата боялась так же сильно, как и он ее. Оттого, наверное, оба молчали. Нет, разумеется, болтали о всяких пустяках, но о планах на будущее речи не заводили.

– Ты смотри там, сестрица. – Провожать Еву в аэропорт Гера отправился сам, не доверил это дело ни водителю, ни Славику. – Если вдруг что-нибудь...

– Я все знаю, Герик! – Ей хотелось потрепать брата по вихрастой голове, коснуться губами гладко выбритой, вкусно пахнущей щеки. – Если вдруг что-нибудь, я сразу тебе позвоню. – Не стала, даже руки не протянула.

- И деньги...

- А деньги у меня есть. Ты же знаешь.

У нее и в самом деле были деньги. Не такие большие, как их общее с Герой состояние, но тоже вполне приличные, позволяющие летать бизнес-классом и ни в чем особо себе не отказывать. И кредитная карта у нее тоже была. Карту Гера выдал ей в тот самый день, когда она прошла испытание доктора Гельца, сказал, немного смущаясь:

- Вот, сестрица, тут тебе должно хватить на первое время.

Брата Ева поблагодарила вполне искренне, но за все прожитые самостоятельно годы так и не удосужилась узнать, сколько же на карте средств. Надо думать, много, но ей и так всего хватало.

- И ты тоже себя береги. - Вместо Гериной щеки она прикоснулась к подлокотнику инвалидного кресла рядом с пальцами брата. - Я тебя люблю!

- И я тебя! - Пальцы, тонкие, аристократичные, дрогнули, но не сдвинулись с места, признавая за Евой право оставаться такой, какая она есть.

Заветные таблетки, сразу две штуки, она проглотила уже после того, как прошла регистрацию, запила теплой минералкой, зажмурилась, мысленно готовя себя к предстоящим мучениям, и тут же дала себе зарок впредь передвигаться только на машине, какими бы значительными ни были расстояния.

И зарок свой Ева блюла, в Чернокаменск отправилась на автомобиле. Черный «Ленд Ровер» Гера подарил ей на день рождения. До этого Ева ездила на старенькой «Хонде», которая больше времени проводила в автомастерских, чем в пути, и сейчас, сказать по правде, наслаждалась и дорогой, и новым авто.

...Если бы не дождь. Если бы не ветер, который все усиливался и усиливался. Если бы не нагло подрезавший ее на пустой дороге джип. Он промчался мимо черной тенью, забрызгал лобовое стекло Евиной машины грязью, издевательски подмигнул габаритами и скрылся в пелене дождя. Ева чертыхнулась, покрепче

вцепилась в руль, глянула на экран навигатора. До Чернокаменска оставалось всего каких-то пятьдесят километров. Уже скоро...

А тем временем ветки, которые ветер швырял под колеса ее машины, становились все больше и больше. Некоторые из них приходилось даже объезжать. Наверное, грозы не избежать. Вот и стемнело так, что автоматически зажглись фары, хотя на часах еще раннее утро. Ничего! Грозы Ева не боялась. Стихия вызывала в ней уважение и разумные опасения, но никак не ужас. Она отрегулировала звук так, чтобы слышать музыку, а не завывания ветра, и сосредоточилась на дороге. Всего пятьдесят километров...

Из-за ненастья включенные аварийные огни Ева увидела лишь в самый последний момент и едва успела затормозить. Пришлось вывернуть руль, чтобы «Ленд Ровер» не поддел рылом зад стоящего впереди джипа. Того самого, который сначала подрезал, а потом еще и облил грязью. Остановился, понимаешь, посреди дороги!

Она попробовала объехать джип и почти сразу же поняла, что сделать это невозможно. Поперек дороги лежало дерево. Старая, видимо, поваленная ветром сосна, словно в агонии скребла асфальт колючими лапами, скрипела ветками, загорая путь. Возле сосны стоял человек. Разглядеть его из-за дождя не представлялось возможным. Зато человек, похоже, Еву разглядел, приветственно вскинул руку, помахал ей, как старой знакомой, а потом, кажется, и вовсе поманил к себе.

Вмиг вспотевшими ладонями Ева вцепилась в руль. Выходить из машины она не собиралась. Еще чего не хватало! Зато можно попробовать задать новый маршрут. Должны же найтись варианты объезда!

Других вариантов не было... В Чернокаменск от Перми вела одна-единственная дорога. Вот эта, которую перекрыла рухнувшая сосна. А человек, который возле нее стоял, вдруг исчез, словно его смыло потоками воды. Пусть бы и смыло, Еве так было бы спокойнее.

Она уже почти успокоилась и взяла себя в руки, когда в боковое стекло решительно постучали... Нет, она не вскрикнула и даже не вздрогнула, просто все ее тело вдруг сделалось холодным и хрупким, словно было вырезано из льда... Острые ледяные колючки больно впились в виски и еще под ребра,

заставляя схватиться за бок.

Человек стоял совсем рядом с ее джипом. Мало того, приложив ладонь ко лбу козырьком, чтобы не мешал дождь, вплотную прильнув к стеклу, он нагло и бесцеремонно разглядывал Еву. И продолжал барабанить. Именно наглость и бесцеремонность привели Еву в чувства.

– Чего вам? – спросила она сначала тихо, почти шепотом, а потом уже во весь голос: – Что случилось?!

– Откройте! – Голос искажался ветром и толстым стеклом, но оказался достаточно громким, чтобы его можно было слышать. – Там дерево упало! Видите?!

Конечно, она видела! Она же не слепая!

– И что теперь? – С какой такой стати Ева должна открывать двери незнакомому мужику, даже лица которого не может разглядеть?!

– С этим нужно что-то делать! Вы не находите?!

Да, делать что-то нужно. Например, вернуться в Пермь, остановиться в какой-нибудь гостинице, дождаться, когда в этом медвежьем углу расчистят завалы. Вот только сколько это займет времени и где гарантия, что обратный путь не преградило еще одно упавшее дерево? Деревьев здесь вон как много! Целый лес вековых, так и норовящих упасть деревьев...

– Вы меня боитесь, что ли?! – Возмущался человек за бортом. Возмущался и продолжал барабанить костяшками пальцев по стеклу.

– Да прекратите вы уже стучать! – рявкнула Ева, пытаясь на ходу собрать разбегающиеся во все стороны мысли. А еще нашарить в бардачке газовый баллончик. Просто так, на всякий случай.

– А вы выходите! Мне нужна помощь!

Баллончик Ева сунула в карман ветровки, вдохнула-выдохнула и толкнула дверцу джипа. Толкнула сильно, не без злого умысла, так, что человек с той стороны едва успел отскочить в сторону.

- Дура, что ли?! - спросил он обиженно. - Ты ж меня чуть не зашибла!

Как-то сразу стало легче, и ледяные шипы истаяли от этого обиженного, совершенно мальчишеского тона. Маньяки обычно на своих жертв не обижаются. Они хватают их за шкурки и волокут в темный лес. Как волки...

Еву не хватало и не волокли, ее рассматривали со злым удивлением. Нагло так рассматривали. Так же нагло, как до этого облили грязью бок ее джипа. Тут уже впору самой обидеться. Но она не обиделась, она разозлилась. На наглого незнакомца и на обстоятельства, заложницей которых стала.

- Сам дурак!

А из джипа все-таки придется выйти, иначе этот еще, чего доброго, решит забраться в салон. Ева спрыгнула на обочину и едва не упала под порывом налетевшего ветра. Пришлось ухватиться за дверцу.

- Вот и обменялись любезностями, - буркнул незнакомец.

Под проливным дождем он вымок до нитки и, похоже, уже не особо переживал, что стоит прямо посреди лужи. Лужи были везде. Ева поняла это по тому, как стремительно и неумолимо наполнились холодной водой кроссовки.

- Видишь дерево? - После обмена любезностями незнакомец решил сразу перейти на «ты». Из-за низко надвинутого капюшона Ева не могла видеть его лица, но по голосу понимала, что он еще не старый, едва ли старше ее самой.

- Надо позвонить в город. Вызвать эвакуатор или какой-нибудь трактор, на худой конец! - Идея показалась ей очень здоровой и рациональной. В самом деле, зачем возвращаться в Пермь, когда можно вызвать спецтехнику?

- Сеть не ловит! Придется самим!

– Что значит самим?

– Значит, будем сами из болота тянуть бегемота!

– Вот ты и тяни! – Эта идея тоже была неплохой и вполне себе осуществимой. Еве она нравилась. Пусть этот, в капюшоне, тянет, а она подождет.

– Стой! – Она была уже у дверей джипа, когда ее снова окликнули. – У меня нет троса. Другу дал, а тот не вернул. У тебя есть? – В голосе незнакомца слышалась надежда.

У Евы в джипе был не просто трос, а полный боекомплект, начиная с заправки, ремнабора и термоодеял и заканчивая аптечкой, укомплектованной не только таблетками, бинтами, презервативами и прочей ерундой, а еще системами для внутривенного введения лекарств и самими этими внутривенными лекарствами. Просто так, на всякий случай.

– И тачка у тебя помощнее будет! – В голосе незнакомца слышалась зависть, а потом он совершенно бесцеремонно пнул носком ботинка колесо Евиного джипа. – Если прицепить трос вон к тому концу дерева, – он махнул рукой куда-то в сизую даль, – то, наверное, получится оттащить его в сторону.

Не говоря ни слова, Ева открыла багажник, вытащила буксировочный трос и положила на дорогу, прямо в лужу. Не то чтобы специально, просто вода была кругом.

– Нормальный ход... – проворчал незнакомец, а потом тут же, безо всякого перехода сказал: – Я Роман. Роман Елизаров. – И руку протянул для приветствия.

– Ева. – Представляться полностью и уж тем более отвечать на рукопожатие она не стала. С какой такой стати? Они видятся с этим Романом Елизаровым в первый и последний раз.

За пеленой дождя рассмотреть его лицо по-прежнему не представлялось возможности, но Еве показалось, что он усмехнулся. Буркнул что-то себе под нос, выудил из лужи трос, направился к дереву. Ева последовала за Елизаровым. Что ж стоять под проливным дождем без дела, если можно изучить обстановку?

Старая сосна все еще агонизировала, вздрагивала всем своим некогда мощным, а теперь совершенно беспомощным телом, скрипела жалобно. Подойти к ней вплотную не получалось из-за разлапистых веток, и Ева пошла вдоль.

Захотелось вдруг увидеть, какое дерево у основания. Захотелось понять, какая силища могла сотворить такое, какой ветер.

...Не ветер. Совсем не ветер. Сосна не сломалась под порывом ветра и не вывернулась из земли с корнем. Сосну спилили. Бледно-розовая древесина на месте спила была похожа на плоть. Только эта плоть не кровоточила, а сочилась смолой. Или Еве просто показалось? Как бы то ни было, а стихия оказалась ни при чем. Кто-то нарочно уложил старую сосну поперек дороги, заблокировал чужакам путь в Чернокаменск. Кто-то не хотел их пускать. Ее не хотел пускать!

А Роман Елизаров тем временем закрепил один конец троса на сосновом стволе, разогнулся, по-стариковски потер поясницу и прокричал:

– Разверни своего монстра, я привяжу трос!

Ева еще раз окинула дерево взглядом. В то, что удастся хотя бы сдвинуть этакую махину с места, верилось с трудом, но Роман Елизаров был полон оптимизма, и девушка подчинилась. Попытка – не пытка!

Салон «Ленд Ровера» встретил ее сухим теплом и привычными запахами. Захотелось остаться в нем навсегда, ничего не делать, никуда не волочь это чертово дерево, но здравый смысл подсказывал, что выбора нет, придется волочь!

И она поволокла! Точнее, верный «Ленд Ровер» поволок, натужно и немного обиженно ревя двигателем, вышибая колесами комья грязи и веер брызг. Еве хотелось, чтобы хотя бы часть этих брызг попала на Романа Елизарова. Это ведь его джип подрезал ее на дороге, больше некому.

Сначала казалось, что сосна не трогается с места, что их совместные с автомобилем усилия напрасны, но потом за бортом что-то заскрежетало, зашипело почти по-змеиному, а словно из-под земли выросший перед «Ленд Ровером» Роман Елизаров истоиво и ободряюще замахал руками. Можно подумать, нужно Еве его ободрение!

Чтобы окончательно освободить путь, девушке пришлось совершить множество маневров, от которых ее джип едва не слетел в кювет. Вот была бы потеха! Но не слетел, устало замер на краю дороги, утонув в потоках воды едва ли не по самое брюхо. В боковое стекло снова постучали.

– Готово дело! – прокричал Роман Елизаров. – Сейчас замри, я трос отвязу.

Отвязал, как и обещал, скрутил в бухту, опять помахал рукой.

Ева не ответила, лишь пожала плечами. Снова выходить из салона машины под проливной дождь она не собиралась. И брататься, и обмениваться никому не нужными любезностями или – боже упаси! – контактами тоже не собиралась. Вместо этого она подала джип назад и в сторону, с мстительным удовлетворением заметив, как отшатнулся Роман Елизаров, открыла из салона багажник и, опустив стекло, велела:

– Брось трос в багажник!

Бросил. Хотя Еве на мгновение показалось, что мужчина бросит трос не в багажник, а прямо в лужу, как давеча сделала она сама. Но, видимо, ее новый знакомец был вполне себе джентльменом, и потому неудовольствие свое проявил лишь раздраженным движением плеч.

Как только захлопнулась дверца багажника, Ева тронула автомобиль с места. Можно даже сказать, с места в карьер. В Чернокаменске ее ждало неотложное и очень важное дело, и тратить драгоценное время на реверансы она не собиралась. Однако весь путь до города Ева исподволь ждала, что ее джип вот-вот обгонит черная тень чужого авто. Не обогнала. Наверное, Роман Елизаров спешил не так сильно, как она.

На подступах к Чернокаменску буря унялась. Вот только что металась и выла, а потом раз – и стихла, припала к земле мокрым косматым брюхом, какое-то время еще лениво мела сплетенным из ветров хвостом, пока не уснула. И как только уснула, перед Евой словно бы распахнули серый пыльный полог, показывая все, что до этого было скрыто от глаз: и вековой лес, и луг, и притулившуюся на его краю деревеньку, подсвеченную выглянувшим из-за туч солнцем. Картинка вырисовывалась вполне себе пасторальная. Писать пейзажи здесь, наверное, одно удовольствие, но на сердце вдруг сделалось тяжело и муторно. Нет, она и

раньше не ощущала радость, но сейчас чувство, с которым Ева безуспешно боролась, усилилось и сделалось почти невыносимым.

– К черту! – сказала девушка зло и едва ли не на всю мощность врубила динамики. Хороший рок всегда действовал на нее успокаивающе.

Отпустило. Не сразу, но полегчало, появилась возможность дышать полной грудью и рассуждать здраво. В этом медвежьем углу она оказалась не просто так, а по делу, по очень важному делу! И нет повода для паники. Поваленная злонамеренно сосна не в счет. В Чернокаменске о предстоящем визите Евы знает только один человек. Он ее ждет, ему нет нужды пытаться ее задержать. Да и не факт, что задержать пытались именно ее. Дорога к городу одна, путников много.

На подъезде к городу Ева переделалась в сухую одежду и почти успокоилась. По сторонам она теперь поглядывала не со страхом, а с интересом. Смотреть пока особо было не на что, промышленные окраины у всех городов одинаковые: серые и унылые. А Чернокаменск являлся городом не только провинциальным, но еще индустриальным. Ева прочла в Интернете большую и очень оптимистичную статью про активную разработку в окрестностях города старых месторождений железных руд и открытие новых и весьма перспективных месторождений никеля. Было еще что-то про добычу золота и самоцветов, но по сравнению с никелем это казалось чем-то малозначительным, местечковым. Именно никель должен был вывести Чернокаменск на новый уровень развития, обеспечить город рабочими местами, максимально расширить инфраструктуру. Пока же Ева не видела никакой особенной инфраструктуры. Впереди маячили три трубы старого чугунолитейного завода, но дым валил лишь из одной. Вот тебе и модернизация с реконструкцией!

Окраина города почти сплошь состояла из частных домов. Они были разные, от вросших в землю по самые окна деревянных халуп, до добротных двухэтажных домин, сложенных из красного кирпича. Здесь же ютились мастерские, автомойки, станции техобслуживания и небольшие магазинчики. Выглядели они так, словно бы Чернокаменск застрял в прошлом веке и никакая модернизация его не коснулась. Впрочем, впечатление это исчезло, стоило только Еве пересечь невидимую, но почти физически ощутимую границу между окраинами и центром. Здесь тоже чувствовалось дыхание прошлых веков, но было оно уже не дымно-смердным, а вполне себе респектабельным. Аккуратные дома, либо тщательно отреставрированные, либо заново построенные с сохранением всех

архитектурных деталей, большей частью двухэтажные, со свежей штукатуркой на стенах и цветущей геранью на подоконниках – пряничные, уютные. Такая же нарядная и свежереотремонтированная церковь подставляла солнечным лучам золоченые купола и белоснежные стены. Ворота церкви выходили на мощенную брусчаткой площадь, которую по периметру окружали четырехэтажное здание мэрии, ЗАГС, кафе с открытой верандой и универсальный магазин. Из общей благостной картины сонного провинциального уюта выбивался только последний. Витрины его сверкали пошло и современно, а вечером, Ева была в этом совершенно уверена, зажигалась такая же пошлая неоновая подсветка. Но зато за кафе и ЗАГСом виднелся парк. Ева разглядела дубы и липы, а также кованые скамейки под коваными же фонарями. Фонари были целыми, а аллеи чистыми. По ним неспешно прогуливались мамы с колясками, под неодобрительными взглядами угнездившихся в тенечке бабушек-пенсионерок носились на скейтах и великах подростки. И мамы, и пенсионеры, и подростки были самыми обыкновенными. Люди как люди. Именно эти обыкновенные люди успокоили Еву окончательно. И не беда, что в обычных обстоятельствах людей она старалась избегать. Обстоятельства как раз необычные...

Она вбила в навигатор нужный адрес, подождала, пока закончится прокладка маршрута, и усмехнулась, когда оказалось, что маршрут получился до смешного короткий – всего-то триста метров от площади. Ева оставила джип тут же, на стоянке, решила прогуляться пешком. Это решение тоже было из разряда нетипичных. В незнакомых местах она предпочитала передвигаться на машине, но те места были другими, они кишели людьми. В Чернокаменске, по крайней мере в его центральной части, простор ощущался. Его хватало, чтобы двигаться вперед, не задевая локтями рядом идущего, не встречаясь взглядами с незнакомцами. А если свернуть вон на ту аллею, то можно и вовсе остаться в одиночестве.

Аллея вывела Еву к старому двухэтажному дому. Он не прятал свой преклонный возраст под слоем штукатурки, не стеснялся несовременных деревянных окон с узкими форточками и лохматых кустов сирени у подъезда. Он даже подъездную дверь не запер на замок домофона, она была гостеприимно распахнута. Наверное, по случаю небывалой жары. Тылом ладони Ева вытерла выступившую на лбу испарину, еще раз сверилась с записанным в смартфоне адресом, хотя давно уже выучила его наизусть, и нырнула в прохладу подъезда. Дом не обманул и на сей раз, внутри у него пахло благородной старостью, пылью и почему-то канифолью. Запах канифоли Ева любила еще с детства, не помнила, где почуяла его в первый раз, но любила.

Судя по количеству дверей, на первом этаже располагалось четыре квартиры. По Евиным прикидкам, были они большими, с высокими потолками и живущим под ними гулким эхом. По крайней мере, в подъезде эхо жило. Оно подхватило шорох Евиных подошв и тут же усилило до стариковского шарканья, поманило вверх на каменную лестницу с отполированными миллионами прикосновений перилами. За перила Ева братья не стала, сунула руки в карманы джинсов. Геру всегда злила привычка сестры вот так ходить по лестницам. Он считал это небезопасным, он считал, что руки должны быть свободными на случай падения. Про падения ее единственный брат знал если не все, то многое. Одно из таких падений закончилось для него инвалидным креслом...

Мысли были болезненными и опасными; чтобы прогнать их, Ева зло мотнула головой. Длинная, туго заплетенная коса мягко хлестнула ее пониже поясницы, задела кончиком чугуны балясины перил, те тихо загудели в ответ.

На втором этаже оказалось лишь три двери. Две из них были самые обычные, обитые старым коричневым дерматином с почерневшими от времени шляпками медных гвоздей. Третья поражала воображение монументальностью и надежностью. За этой монументальной дверью и жил человек, на встречу с которым Ева так спешила. Осталось только постучаться или лучше позвонить.

Не пришлось ни стучать, ни звонить, почти сейфовая дверь оказалась не заперта, из узкой, едва заметной глазу щели тянуло сквозняком. К уютному запаху канифоли добавился другой – острый и тревожный. «Не входи, – вкрадчиво сказал внутренний голос, – не нужно тебе туда!» Он был прав, Ева чуяла опасность так же отчетливо, как и запах, но развернуться и уйти не могла. Просто не могла!

Она не стала стучаться, воровато оглянулась по сторонам, еще раз убедилась, что в дверях напротив нет «глазков», и толкнула тяжелую дверь. Та распахнулась совершенно беззвучно, сквозняк усилился. Ева переступила порог, враз взмокшей спиной прижалась к двери.

– Эй, – позвала шепотом. – Марк Витальевич, это я, Ева!

Ответило ей только эхо. Здесь, в этой просторной квартире, оно чувствовало себя особенно привольно, как давний хозяин. Ева хозяйном не была, она являлась всего лишь гостем. Кажется, неожиданным гостем...

– Можно я войду? – Она еще секунду подождала, а потом решилась.

Человек, с которым ей предстояло встретиться, был весьма преклонного возраста. Ева не знала, сколько точно ему лет, но в том, что далеко за восемьдесят, не сомневалась. С ним могло случиться какое-нибудь несчастье, сердце прихватило, а пузырька с нитроглицерином под рукой не оказалось... Или паралич разбил, а рядом никого...

– Все, Марк Витальевич, я вхожу! – сказала она и решительно оттолкнулась от двери.

По узкому полутемному коридору Ева шла, как по минному полю: осторожно, на цыпочках. Позади осталась кухня с распахнутым настежь балконом – вот откуда сквозняк! – и просторная гостиная. Еще две двери оказались закрыты, и открывать их у Евы не имелось никакого желания, она была почти уверена, что ее цель находится в самом конце коридора за третьей полуприкрытой дверью.

На сей раз Ева постучалась, осторожно тукнула костяшками пальцев по дубовой панели, замерла, прислушиваясь, нервно втягивая ноздрями воздух. Ей не откроют, не пригласят войти, теперь она знала это наверняка. Самое время развернуться и уйти. От греха подальше. От всего подальше! В первую очередь от собственных бредовых идей. Они ведь наверняка бредовые!

– К черту! – сказала Ева шепотом и толкнула дверь.

Он сидел за рабочим столом в удобном кожаном кресле. Руки с длинными музыкальными пальцами лежали на стопке газет рядом с очками в роговой оправе. И солнечный зайчик, перепрыгивая через газетные колонки, отражался сначала от стекол очков, потом от стальных звеньев наручных часов и только потом от лужи крови... Кровь была густой, с маслянистым блеском, с веером бордовых, как вишневое варенье, капель, покрывавших все вокруг: столешницу, газету, дорогие обои, белоснежные манжеты с изящными серебряными запонками.

Ева не видела раны. Слава богу, что она не видела раны! Она знала, что рана есть, вот прямо поперек шеи, под острым, свежесбранным подбородком, под завесой из длинных, совершенно седых волос. Из-за волос она не видела и лица. Наверное, это тоже хорошо, потому что взгляда мертвых глаз она могла и не

вынести. Отчего-то ей казалось, что взгляд окажется укориженный, словно это она, Ева, прошла острым лезвием сначала по коже, а потом по мышцам и сосудам, обрывая чужую жизнь.

Жизнь ушла не только из человеческого тела, но и из этого спокойного, уютного кабинета. На ее место пришла смерть, привела с собой тот самый запах, который Ева учуяла еще в коридоре. Запах крови ни с чем не спутаешь, она знала это наверняка. Иногда ей казалось, что с этим знанием она жила многие годы, но доктор Гельц сумел обосновать и этот, как он говорил, феномен. Как обосновал, Ева уже не помнила, сейчас из всего, чему учил ее доктор Гельц, она помнила только одно – нужно дышать!

Медленный вдох, такой глубокий, что становится больно ребрам. Задержка дыхания надолго, до жжения в легких. И выдох. Именно выдох, по мнению доктора, должен приносить максимальное очищение и успокоение.

И Ева дышала! Сначала в полутемном кабинете Гельца, лежа с закрытыми глазами на кожаной кушетке. А теперь вот в этом залитом солнцем и кровью кабинете ювелира Марка Витальевича Атласа, который обещал помочь, но совершенно позабыл о своем обещании и умер так вероломно незадолго до Евиного прихода!

Не умер, а был убит! Мысль оказалась ясной и отрезвляющей, как ледяной душ. Человека, с которым Ева должна была встретиться, убили. Перерезали глотку, оборвали жизнь длинную и, несомненно, интересную, оборвали нить, которая привела Еву в Чернокаменск.

Вдохнуть... Замереть... Выдохнуть... Отвлечься от бешеного уханья пульса в висках. Осмотреться. Ей теперь только и остается, что осмотреться. А вдруг случится чудо и в этом кабинете она найдет то, что ищет? Глупо надеяться на чудо, но все же...

Не найдет. Потому что тот, кто убил ювелира, тоже искал. Старинные фолианты свалены в кучу. У некоторых оторваны корешки, и желтые нити торчат обрывками сосудов. Другие лишились страниц. По третьим прошла чья-то безжалостная нога. Следов не оставила, но сломала картонный хребет. Книги лежат на полу, потому что кто-то сбросил их с полки. Он же сорвал со стены картину. Хрупкие балерины в пушистых пачках. Изящные запястья, натянутые,

как хлысты, позвоночники, сила и отчаяние в каждом жесте. Балерины тоже на полу, рядом с искалеченными фолиантами. Им досталось меньше, но это такое унижение...

А под ногами хрустят расписные осколки китайской вазы. Ваза стояла вон на той подставке из сандалового дерева, пока чужая ярость не превратила ее в черепки.

И ящики стола выломаны, дверцы распахнуты, содержимое тоже на полу, у ног мертвого хозяина.

Не обыск, а погром. Безжалостный, неразумный! С уничтожением всего прекрасного, всего того, что нужно беречь и сохранять. Ради чего? Не ради ли того, что раньше хранилось в этой нише?..

Глупое место для тайника: в стене за картиной. Хрупким балеринам не защитить хозяйские тайны, не отстоять вырванный с «мясом» сейф. Они и не отстояли, пали в неравном бою вместе с хозяином. И Еве самое время уходить. Только нужно обыскать еще одну, последнюю комнату. Ювелир в своем преклонном возрасте все еще работал, но, очевидно, работал на дому, а это значит, что где-то должна быть мастерская.

Мастерскую тоже разгромили. Инструменты валялись на полу вперемешку с осколками стекла от разбитой демонстрационной витрины. Витрина зияла пустотой. Если в ней когда-то и хранились драгоценности, то сейчас их не было. Убийца забрал с собой все. И те, кто скоро явится в эту осиротевшую квартиру, решат, что произошло ограбление. Ограбление и убийство ненужного свидетеля. Возможно, так оно и есть. Все можно объяснить с позиции обыденности. И не важно, что обыденность эта страшная. Мало ли какие темные тайны хранят маленькие городки! Мало ли какие тайны унес с собой Марк Витальевич Атлас! Унес, хоть и обещал поделиться с Евой...

А теперь, когда поправить уже ничего нельзя, когда ее присутствие в этой квартире не только бессмысленно, но и опасно, нужно уходить. Ева замерла среди разгромленной мастерской, осмотрелась. Она ни к чему здесь не прикасалась, поэтому отпечатков пальцев не останется. Главное сейчас – не наследить, потому что там, в кабинете, кровь повсюду, и она запросто могла... К горлу подкатил колючий ком, в ушах зазвенело, а запах, к которому девушка

уже почти привыкла, с новой силой шибанул в ноздри, вызывая приступ тошноты. Усилием воли Ева заставила себя думать. Дышать и думать, как учил доктор Гельц. Подошва ее кроссовок чистая, а это значит, что она не испачкалась, не оставила после себя кровавых следов, не принесла еще больше скверны в уже оскверненное жилище. Теперь уже точно нужно уходить, пока не поздно, пока ее никто не видел и не связал с мертвым ювелиром. Она уйдет, вернется к своей машине и уже там, в безопасности салона, все хорошенечко обдумает.

* * *

Первый паниковал. Паника его оказалась такой сильной и бесконтрольной, что Второму пришлось вмешаться, чтобы не случилось беды. У Первого было отвратительное умение вляпываться в неприятности. Первый вляпывался, а разгребать все приходилось Второму. Почти всегда ему, только в самых-самых критических ситуациях – Третьему. Но о Третьем сейчас лучше даже не думать, не будить лихо...

Дом этот Второй знал так же хорошо, как и Первый. Дом как дом, ничем не примечательный. Не пентхаус, но и не трущобы. Старика, наверное, связывало с ним что-то важное, иначе зачем ему с его возможностями коротать старость в таком неприятном месте? Впрочем, проблемы чужих людей Второго волновали мало, ему бы с собственными разобраться. А проблемы были. И решать их требовалось как можно быстрее.

Он стоял на углу дома в тени старой сирени, размышляя над тем, как следует поступить, когда распахнулась дверь и из подъезда, воровато озираясь по сторонам, выскочила девчонка. Если бы она просто вышла, Второй, возможно, ничего не заподозрил бы, но она неслась так, словно за ней гналась тысяча чертей. Или Третий...

От мыслей о Третьем погожий летний денек тут же превратился в полночь, запахло болотной тиной и кровью. Второй передернул плечами, прогоняя наваждение. У него проблемы. Возможно, вот эта девица в драных джинсах, кроссовках и тонкой куртке, с переброшенным через плечо рюкзаком не представляет никакой опасности, но интуиция подсказывала обратное. А интуиции Второй привык доверять. Так же как и глазам. Девчонка была залетная, и непохожесть ее на местных девиц бросалась в глаза. Так же как и

длинная, туго заплетенная коса. Коса напоминала черную змею, она нервно хлестала девчонку по спине и, казалось, жила своей собственной змеиной жизнью. Второй вжался спиной в стену, пережидая, пока девчонка не скроется из виду, а потом скользнул в приоткрытую дверь подъезда.

Внутри оказалось прохладно и тихо. Пока еще тихо. Мелькнула надежда, что все обойдется. Мелькнула и тут же исчезла. На руках у Первого была кровь. Ее пришлось долго отмывать в затхлой воде паркового пруда, даже песком оттирать. Признаться, увидев кровь, Второй испугался не на шутку. Первый умел находить неприятности. Первого часто били. И не только били. Если сейчас это повторилось, если Третий почует, быть беде...

К счастью, кровь оказалась чужой, но счастье это длилось недолго, потому что теперь Второму следовало решить новую проблему. Когда возникали проблемы, Первый прятался. Раз – и нет никого в домике! Еще одна чудесная способность, аж тошно иногда от такой вот трусости!

К дому старика Второй шел неспешным шагом. Отчасти из-за того, что не хотел привлекать к себе лишнего внимания, отчасти из-за того, что ему нужно было подумать. Возможно, все не так плохо, как видится. Возможно, со стариком все в порядке, и он зря волнуется.

Не зря. Одного взгляда на девчонку со змеиной косой хватило, чтобы внутри у Второго натянулась и завибрировала стальная струна. И если раньше он собирался лишь понаблюдать за квартирой старика, то сейчас осознал, что придется предпринимать более решительные меры.

Интуиция не подвела – старик был мертв. Крови из порванной глотки хватило на то, чтобы залить и кабинет, и руки Первого. Чтоб ему пусто было!

Глотку порвали чем-то острым, Второй не поленился, изучил рану. Найти бы орудие убийства. А еще потрясти Первого, выяснить, что на него вдруг нашло. Но идея эта бесперспективная, придется все делать самому. По поводу отпечатков Первого можно особо не беспокоиться. В квартире у ювелира он бывал частенько, соседи его видели, так что ничего удивительного в том, что в доме обнаружатся его отпечатки. Что связывало старика с Первым – это уже другой вопрос. Второй и сам не понимал, как такая связь вообще была возможна. В полиции, наверное, тоже не поймут, поэтому станут задавать вопросы. Это

если кто-нибудь видел, как Первый сегодня утром входил в квартиру старика. Хочется надеяться, что никто не видел. Или видел не Первого, а девчонку со змеиной косой. Вот он, например, видел и даже заснял на телефон. Просто так, на всякий случай.

Второй быстро осмотрел всю квартиру, но орудия убийства так и не нашел, как не обнаружил ничего, что указывало бы на причастность к случившемуся Первого. Может быть, все еще и обойдется. Первый, конечно, то еще несчастье, но он, Второй, умница и везунчик. Его везения должно хватить на них всех. Или ума, если уж с везением не сложится. А теперь пора убираться, пока его никто не заметил. И было бы нелишним обшарить ближайшие парковые заросли. Вдруг да и отыщется орудие убийства.

А вообще, странно это все и совсем не похоже на Первого. Это похоже на Третьего, но Третьему совсем не нужно орудие убийства, он сам – орудие... Яркий день снова поблек. Это всего лишь солнце зашло за тучу. Ничего особенного! Не стоит бояться. Третий никогда не причинит им с Первым зла...

* * *

Когда Ева очутилась за рулем своего джипа, оказалось, что дышит она шумно и часто, как загнанная лошадь. Оказалось, что руки ее дрожат мелкой дрожью, а хребет натянулся, словно готовая порваться струна. Оправдалось дурное предчувствие, не подвело! Судьба в который уже раз обманула, вильнула не на ту дорогу, привела не к тому человеку, привела к мертвецу...

Они вели электронную переписку больше месяца. Сначала эта переписка была деловой, потом как-то незаметно для них обоих превратилась в доверительную. Ева видела Марка Витальевича лишь на немногочисленных фото, но казалось, знала его уже не первый год. Он был особенный. Его деда, известного на весь Урал ювелира, репрессировали в тридцать седьмом. После этого внука отправили в чернокаменский детский дом. С этим детским домом было связано много страшных и странных событий, но Марку Витальевичу просто сказочно повезло. Он выжил в жерновах репрессий, прошел всю войну, освоил ювелирное дело и так же, как до этого его дед, стал лучшим из лучших, известным не только на территории Урала, но и на всю страну. Да что там страну! Серебряные украшения мастера Атласа выставлялись и успешно продавались на всех континентах. Он запросто мог стать человеком мира и жить в любой точке

земли, но предпочел остаться в Чернокаменске, у истоков того, что сделало его знаменитым, у истоков того, что могло бы решить Евину неразрешимую проблему. Иногда Еве казалось, что Марк Витальевич знает о ней гораздо больше, чем она сама. Более того, она была почти уверена, что он может ей помочь. Он бы и помог, если бы не умер. Если бы его не убили...

Его убили, и теперь Еве нечего делать в Чернокаменске, все нити оборваны, перерезаны острым ножом, разумнее как можно быстрее убраться из города и попытаться найти какой-нибудь другой способ. Возможно, она перепробовала еще не все, и еще не все потеряно, надо лишь собраться с мыслями...

Замурлыкал телефон, звонил Гера. Не отвечать бы, просто не отвечать, но тогда брат разволнуется не на шутку, еще, чего доброго, явится за ней следом. Или пришлет кого-нибудь из своих псов. Так что лучше ответить и постараться, чтобы голос звучал бодро.

У нее получилось, сказывались годы тренировки! Гера поверил, что у сестры все хорошо. Ну, или сделал вид, что поверил. Попрощались тепло, по-родственному. Проявлять родственные чувства на расстоянии Еве было значительно проще, чем при личном общении. Такой уж она уродилась. Уродилась уродиной...

Она уже хотела отложить смартфон, когда заметила значок непрочитанного сообщения. Сообщение отправил ей полчаса назад Марк Витальевич, и это означало, что в это время он был еще жив. Вот только она из-за дорожных перипетий не заметила, не услышала сигнала, пропустила. Письмо было коротким, написанным словно второпях и странным...

«Ева, не нужно приезжать ко мне, встретимся в полдень в Кутасовской усадьбе. И ради всего святого, не появляйтесь на Стражевом Камне!»

Значит, вот так. Значит, ей нужно в Кутасовскую усадьбу и нельзя на Стражевой Камень. Пожалуй, она не станет уезжать из Чернокаменска прямо сейчас, а задержится на пару деньков.

Ева повернула ключ зажигания, утробно и успокаивающе заурчал мотор. Вслед за мотором заурчал голодный желудок, напоминая о том, что в последний раз Ева ела больше двенадцати часов назад, намекая на уютное кафе с открытой верандой. Если есть кафе, должен быть и кофе. А к кофе, возможно, круассаны

или пирожные. Или хоть что-нибудь съедобное, чтобы унять тошноту, которая накатывала беспощадными приливами, сводила внутренности судорогой.

От мыслей о еде Еве сделалось стыдно. Погиб хороший человек, а она, вместо того чтобы вызвать полицию, размышляет о кофе с круассанами. Она бы вызвала. Честное слово – вызвала! Если бы могла верить, что останется в стороне. Что ее не станут допрашивать или, чего доброго, обыскивать. Если бы знала, как объяснить свой визит к ювелиру. Наверное, стоило бы продемонстрировать их с Марком Витальевичем интернет-переписку, но в таком случае вопросов возникло бы еще больше, и вряд ли Ева смогла бы дать на них вразумительные ответы. Уехать прямо сейчас – вот самое разумное решение в сложившейся ситуации.

– Так и будет, – пообещала Ева самой себе, разворачивая джип. – Когда-нибудь так и будет...

В кафе оказалось малоллюдно. По случаю жары немногочисленные посетители расположились на террасе. Ева уселась за дальний столик, рассеянно повертела в руках вазочку с искусственными васильками, придвинула к себе меню. На быстрое обслуживание она не рассчитывала. Немолодой бармен и две девочки-официантки вели оживленную беседу у стойки, девочки казались напуганными, бармен озабоченным. Снова тревожно екнуло сердце. «Они уже знают, – подумалось вдруг, – они уже знают об убийстве!» Ей даже послышалось, как одна из девочек сказала громким шепотом:

– Это настоящий кошмар! Говорят, там все было в крови...

– Леночка, – бармен виновато улыбнулся Еве, давая понять, что инициатором этого неприятного разговора является не он, а вот эта самая Леночка, – мне кажется, девушка уже готова сделать заказ. Вы же готовы?

Нет, она не была готова. Ей хотелось бежать сломя голову из кафе, где с утренним кофе подают новости о кровавых убийствах, но теперь уже точно поздно. Теперь на нее смотрели не только бармен, но и официантки. Та самая Леночка – блондинка с простоватым, румяным личиком. И вторая – чернявая, худощавая, с избыточным макияжем и по-мужски грубыми татуировками на запястьях. Чернявая окинула Еву быстрым взглядом и слегка поморщилась. Ева ей не понравилась. В этом не было ничего удивительного: Ева нравилась очень

немногим. Да и те немногие обитали не в реальном, а в виртуальном мире, прятались за никами и аватарами, так же как и она сама. Захотелось если уж не убежать, то хотя бы спрятаться за папкой с меню, но сама виновата, никто ее силой в Чернокаменске не держал, не заставлял остаться и прислушиваться к чужим разговорам.

Вдох, задержка дыхания, выдох... Когда Ева переворачивала страницы меню, ее пальцы уже не дрожали. Не нужно паниковать. И даже не потому, что она не сделала ничего плохого, а потому, что, совершенно очевидно, речь шла о каком-то другом убийстве. Иного и быть не могло, слишком мало прошло времени, чтобы о смерти Марка Витальевича узнал весь город.

– Я буду черный кофе без сахара. – Ева захлопнула меню.

– И? – Леночка подошла к ее столу, машинально поправила вышитую льняную салфетку под вазочкой.

– И чего-нибудь поесть. – Ева выдавила из себя вежливую улыбку.

– У нас есть пирожные. – Леночка махнула рукой в сторону витрины-холодильника, а Ева тут же вспомнила другую витрину, разбитую. – Все вкусные и свежие, но лучше возьмите пирожки с яблочным джемом. Их печет Эмма Львовна, и они просто волшебные. Их раскупают почти сразу же. Пирожные не берут, а пирожки Эммы Львовны любят все! – Она говорила торопливой скороговоркой, и румянец на ее щеках разгорался все ярче. – Я вот, к примеру, могла бы за один присест съесть сразу пять штук, но фигура. – Она похлопала себя по крутым бедрам, смущенно улыбнулась.

– Ленка у нас все время на диетах! – Оказывается, чернявая девица прислушивалась к их разговору.

– Брось ты, Динка! – огрызнулась Леночка. – Не всем же так повезло с фигурой, как некоторым. Ты вот, когда психуешь, что делаешь?

– Курю, – хмыкнула чернявая Динка.

– А я ем! Психую и ем, как не в себя.

– А почему вы психуете? – спросила Ева. Не нужно было спрашивать. Оно как-то само вырвалось. – День такой хороший. – День не был хорошим, но ей не привыкать врать.

– Видно, ты не местная. – Леночка вздохнула и плюхнулась на стул напротив. Переход на «ты» у нее получился весьма гармоничный, словно бы Ева хоть и не местная, но все равно давняя знакомая. – У нас тут такое творится...

– Леночка, – с мягкой укоризной сказал бармен, – девушка не за тем к нам зашла. И вообще...

– А что «вообще», Дмитрий Палыч? – вскинулась Леночка. – Вы вот сами только что сказали – девушка! И я девушка, и Динка! – Динка снова скептически хмыкнула, поскребла татуированное запястье. – А он на кого нападает? Уж точно не на мужиков! Он как раз на девушек и нападает! А она вообще не местная, она не знает ничего. Еще сунется куда по дури, и что потом?

– Что потом? – спросила Ева, из последних сил стараясь не отодвинуться вместе со стулом подальше от Леночки. – Ты про что вообще?

– Она, детка, про тот ужас, что у нас тут в Чернокаменске приключился. – На террасу вышла крупная, статная женщина в цветастом платье и повязанном поверх него белоснежном переднике. Полные руки она скрестила поверх передника, бросила неодобрительный взгляд сначала на Динку, потом на Леночку, спросила строго: – Вы работать сегодня вообще собираетесь? Вон клиент необслуженный сидит.

Клиент и в самом деле сидел. Высокий мужчина в солнцезащитных очках и низко надвинутой на лоб бейсболке. Вид у него был расслабленный, длинные, скрещенные в лодыжках ноги торчали из-под стола, занимая часть прохода, пальцы рассеянно барабанили по столешнице.

– Что желаете? – Динка перестала чесаться, оттолкнулась от барной стойки, направилась к клиенту.

– Ромашковый чай и три фирменных пирожка с яблочным джемом!

Голос у мужчины оказался приятный, с бархатным подтоном. Услышав про фирменные пирожки, женщина одобрительно усмехнулась, из чего Ева сделала вывод, что она и есть та самая уникальная Эмма Львовна. Динка хмуро кивнула и, вихляя тощими бедрами, удалилась обратно к стойке, будто опасалась, что клиент одумается и закажет что-нибудь еще.

– Уже две, – сказала Леночка громким шепотом.

– Чего две? – спросила Ева. Похоже, у Леночки была скверная привычка не договаривать фразы до конца.

– Две жертвы у него уже. Сегодня ночью нашли вторую. Мне сосед рассказал, он в полиции сторожем работает. Так что информация из первых рук, можно сказать.

– Из первых рук, говоришь? – Эмма Львовна уперла кулаки в бока, велела: – Обслужи девочку, а потом расскажешь.

– Потом у нее может и аппетит пропасть, – хмыкнула Леночка и с явной неохотой встала из-за стола.

– Я не брезгливая. – Перед глазами встала недавно увиденная нарисованная кровью картина. – И я не боюсь.

– Плохо, что не боишься, – сказала Эмма Львовна и уселась на освободившийся стул. Стул жалобно скрипнул, но выстоял. – Те бедняжки тоже не боялись. Ленка, ты там скоро? – повысила она голос, а потом без перехода спросила: – Надолго к нам?

Наверное, рассмотрела номера на Евином джипе, а может, просто знала всех горожан в лицо. В последнее верилось слабо, но как знать? Можно было сказать, что вот сейчас она выпьет кофе с фирменным пирожком и уедет из Чернокаменска навсегда, но станут ли с ней, совсем посторонней девицей, после такого разговаривать? Расскажут ли историю, которая, судя по всему, потрясла весь Чернокаменск? Ева вдруг решила, что очень важно услышать эту страшную историю. Показалось, что все страшные истории в этом городке могут быть связаны.

– Я пока не знаю, – ответила она честно. – Зависит от того, как пойдут дела.

Не было у нее здесь больше никаких дел, но город не отпускал, находил тысячу причин, чтобы задержать Еву, расставлял ловушки вроде вот этого уютного кафе, заманивал в них фирменными пирожками и страшными историями.

– А какие у тебя дела? – гремя у стойки посудой, спросила Динка. – Что такая цаца забыла в наших краях?

Хотелось заметить, что это не Динкино дело, а работа официантки заключается совсем в другом, но вместо этого Ева сказала:

– Я журналист. Фрилансер, – уточнила зачем-то, хоть и подозревала, что слово это будет присутствующим непонятно. – Пишу статьи для интернет-изданий. Тут много материала, – добавила многозначительно.

– Материала много – это точно, – кивнула Эмма Львовна, – но только если ты, детка, строчишь заметки для какого-нибудь полицейского вестника.

– Я для разных вестников строчу заметки, – заверила ее Ева, с удручающим спокойствием осознавая, что коготок уже увяз, как бы теперь всей птичке не пропасть.

– Кофе и пирожки! – Леночка оказалась расторопнее Динки. Наверное, оттого, что ей не терпелось рассказать наконец свою страшную историю.

– Чай и пирожки! – Динка бухнула поднос перед мужчиной в бейсболке, едва не выплеснув чай прямо на лежащий на столе смартфон. – Еще чего-нибудь? – спросила таким тоном, что разумный человек сразу понял бы, что заказывать больше ничего не стоит.

– Нет, спасибо. – Мужчина отодвинул смартфон на безопасное расстояние, сам снял с подноса чашку и блюдце с пирожками. – Вы очень любезны! – Прозвучало это вполне искренне. Так искренне, что Динка озадаченно хмыкнула и поскребла татуировку.

Как только она отошла от столика, мужчина откусил от пирожка и снова уткнулся в смартфон.

– Так что там за новости из первых рук? – спросила Эмма, разглаживая складки на переднике. – Второе убийство?

Леночка кивнула и сказала все тем же громким шепотом, который слышен был во всех уголках террасы:

– И снова на озере. Ее кто-то из местных нашел, лежала головой в воде, а вода вся красная от крови.

– Приятного аппетита, – бросила Динка ехидно, и Эмма зло на нее шикнула.

– Снова девушка? – спросила Ева, прижимая ладонь к груди, словно у нее приключился приступ сердечной боли.

– Да. – Леночка кивнула. – Сосед говорил, не городская, из дачного поселка, что возле озера. Блажь какая – в таком страшном месте коттеджей настроить! Будь я мэром...

Договорить ей не дали, ее возбужденный голос заглушил рев мотора. На стоянке рядом с Евиной машиной приткнулся знакомый джип. Он был чумазый, с налипшими на протекторы и арки комьями грязи. Эта же грязь засохла серой пленкой на лобовом стекле, оставляя относительно чистыми лишь те места, до которых дотягивались «дворники».

– Это ж где его так? – задала риторический вопрос Эмма и снова поправила свой безупречный передник.

Ева знала где – на лесной дороге, во время грозы. Вот только ее джип тоже побывал на той дороге, но по сравнению с этим механическим големом казался почти чистюлей.

Мужчина в бейсболке взглянул в сторону стоянки и снова уткнулся в экран смартфона. А из джипа уже выбирался недавний Евин знакомец Роман Елизаров. Впрочем, встретить она его при других обстоятельствах и без машины, ни за что

не узнала бы. Да и как она могла его узнать, если там, в лесу, толком даже и не рассмотрела. Тогда не рассмотрела, а сейчас вот разглядывала без особого стеснения, совсем как Динка. Разве что татуировку не чесала. Впрочем, на Евином теле не было ни одной татуировки, не могла она себе такое позволить.

В отличие от Евы Роман Елизаров переодеться не успел или не захотел. На нем по-прежнему были насквозь промокшие кроссовки, уже подсыхающие, но все еще влажные джинсы. Куртку он снял еще в машине и сейчас демонстрировал всем желающим в меру рельефный торс, обтянутый черной футболкой, и в меру жилистые руки. На левом запястье Ева разглядела часы, с виду простенькие, на металлическом браслете. На правом – плотно сидел широкий кожаный браслет с железными клепками. На лицо Романа Елизарова Ева посмотрела в последнюю очередь. А куда торопиться? Очевидно же, что в кафе он не на секунду заглянул. Лицо было самое заурядное. В меру симпатичное, в меру небритое, в меру нахальное. Если бы не широкая улыбка в тридцать два зуба, было бы оно нахальным не в меру, а так ничего, терпимо. Правой рукой, той, что с кожаным браслетом, он пригладил влажные русые волосы. Волосы вились и очевидно нуждались в пристальном внимании хорошего парикмахера, но такие мелочи Романа Елизарова не беспокоили.

Ева усмехнулась. Нашла к чему придирааться. Сама она по вполне понятным для нее и необъяснимым для окружающих причинам с детства не пользовалась услугами ни парикмахеров, ни маникюрш. Оттого и ходила с гривой отросших до середины бедра волос и с коротко обрезанными ногтями. С волосами, наверное, можно было бы попробовать что-нибудь сделать самостоятельно, но Ева освоила лишь нехитрое искусство плетения кос, на большее ее не хватило. Да и ладно! Речь сейчас вообще не о ней, а вот об этом товарище, который с каким-то уж слишком пристальным вниманием осмотрел Евин джип, а потом взбежал по ступенькам веранды и громко поздоровался:

– Доброе утро!

Улыбка его стала еще шире, на небритых щеках обозначились ямочки. Наверное, подобное сочетание безотказно действовало на всех его знакомых дамочек, и он это знал.

– Доброе, коли не шутишь, – усмехнулась Эмма и оправила передник.

- Здравствуйте! - Румянец на широком Леночкином лице сделался еще ярче, даже кончик носа покраснел.

- Привет! - буркнула Динка и поскребла татуировку.

Бармен молча кивнул, а мужчина в бейсболке и вовсе никак не отреагировал на приветствие. Очевидно, что магия щетины и ямочек на мужиков не действовала.

- Скажите, пожалуйста, оголодавшему, аки зверь, человеку, что тут в вашем райском уголке можно съесть? - Роман Елизаров, игнорируя пустующие столики, направился напрямик к Еве, плюхнулся на стул напротив, глянул не слишком приветливо, буркнул:

- Привет!

- Давно не виделись. - Ева впилась зубами в пирожок. Он оказался мягким, теплым и неожиданно очень вкусным.

- Вот и я о том же! - Улыбка Елизарова перестала быть обаятельной, а сделалась вполне себе волчьей. Ямочки куда-то подевались, а серые глаза смотрели хмуро и не слишком приветливо. - Виделись-то мы с тобой недавно, да вот расстались не особо красиво. Тебя, хвостатая, не учили людей за помощь благодарить?

- Почему хвостатая? - Вопрос был глупый, но в самом деле - при чем тут хвост!

- Поэтому! - Носком грязного ботинка Елизаров хотел поддеть кончик Евиной косы, свисавшей до самого пола, но не успел. Она дернула косу, перекинула через плечо и для надежности через левый локоть. Все-таки надо бы постричь, чтобы вот такие, с волчьими осками, не пинали...

- Вы, ребяташки, знакомы, как я погляжу? - Происходящее Эмму забавляло. - Вместе приехали?

- Этого еще не хватало, - огрызнулась Ева.

- Что вы, несравненная! - А вот Эмме Елизаров улыбался, словно родной матери. - Девушка приехала первой! Мы, конечно, могли бы въехать в этот

чудесный город вместе, так сказать, рука об руку, если бы она проявила хоть немного солидарности и деликатности. Но деликатности такие особы, как я погляжу, не обучены. Им «спасибо» сказать тяжело. Про банальное «до свидания» я вообще молчу. Правда? – Он уставился на Еву взглядом мрачным и одновременно изучающим. – Как доехала? Надеюсь, без приключений?

– Не твое дело. – Пирожок утратил и прежний вкус, и прежнюю привлекательность.

– Значит, знакомы. – Эмма удовлетворенно кивнула. – Оно и хорошо! В нашем, как ты, красавчик, изящно выразился, чудесном городе нынче без знакомых никак. Особенно девочкам. Девочкам нынче рыцарь необходим.

– Это вы сейчас, несравненная, о каких девочках? – поинтересовался Елизаров, откидываясь на спинку стула и с интересом оглядывая веранду. – Вот об этих? – Под его веселым взглядом Леночка снова зарделась, а Динка нервно дернула острым плечом. – Если о них, то я с радостью! Или вот, к примеру, если вы о себе! – Эмма ухмыльнулась, отмахнулась от него усыпанной веснушками рукой. – А больше я, знаете ли, достойных защиты девочек тут не вижу. Неблагодарные эгоистки не в счет.

– Шел бы ты тогда, – сказала Ева ласково, – за соседний столик.

– А я не к тебе, я вот к мадам. – На Эмму Елизаров посмотрел вопросительно и одновременно просительно.

– Зови меня Эммой, красавчик! – сказала она и хохотнула.

– Какое чудесное имя! – Елизаров приложился к веснушчатой руке в галантном поцелуе. – А я Роман. Роман Елизаров!

– А тебя, детка, как звать? – Руку из цепких лап Елизарова Эмма забирать не спешила, на Еву поглядывала с хитрым прищуром. – Мы тут все уже перезнакомились, одна ты осталась безымянной.

Безымянным оставался еще и мужчина в бейсболке, но он в кафе никого не интересовал. Или его и так уже все знали.

– Я Ева. Очень приятно. – Полное имя, а уж тем более фамилию она называть не стала.

– Вот и познакомились! – Эмма хлопнула свободной ладонью по столу, спросила: – Ну, красавчик, хочешь моих фирменных пирожков?

– Из ваших рук все, что угодно, несравненная Эмма. Только, пожалуйста, пирожков побольше. – Он глянул на Евину тарелку. – Штучек пять, а лучше семь. И кофе! Черный кофе!

– Без сахара? – уточнила Леночка, вспомнившая наконец о своих обязанностях.

– Почему без сахара? – удивился Елизаров. – Только черствые и злые люди пьют кофе без сахара! Три ложки, пожалуйста! – Он посмотрел на Эмму и спросил уже другим, почти серьезным тоном: – Несравненная, а почему в вашем прекрасном городе каждой девице непременно требуется рыцарь? У вас тут дефицит рыцарей?

– Скорее уж дефицит девиц, – подала голос Динка. – Скоро будет.

– А что так? – Не спрашивая разрешения, Елизаров цапнул с Евиного блюдца пирожок. – Это компенсация за моральные и душевные страдания, – сказал с кривой ухмылкой. – Ты мне должна.

– Да по... – хотелось сказать «подавись», но воспитание настояло на «пожалуйста». – Пожалуйста! Ешь на здоровье!

– Спасибо, Ева! Так что тут у нас с рыцарями и девицами? – Он алчно глянул на Евину чашку, поэтому пришлось спешным порядком допивать кофе. Все равно уже почти остыл.

– У нас тут девиц убивают, – шепотом сказала вернувшаяся с полным подносом Леночка. – Уже двоих убили.

– Двух, Ленка! – поморщилась Динка. – Двух, а не двоих!

– Как убивают? Безобразие какое! – Елизаров взял второй пирожок, но есть не стал.

– Сегодня нашли девушку прямо на берегу Стражевого озера. Это озеро местное так называется, – пояснила Леночка. Ей было одновременно неловко и приятно оказаться в центре всеобщего внимания. – Горло перерезано, голова в воде, всё в кровище. Но не это самое страшное.

– Что же может быть страшнее? – спросила Эмма.

– Я про первую ничего не знаю, сосед мне не рассказывал, но вторая девушка была такая... – Леночка помолчала, подбирая нужные слова. – У нее лицо было, словно она увидела что-то очень страшное.

– Убийцу она своего увидела, – фыркнула Динка. – Вот оно – страшное!

– Нет, там другое. – Леночка упрямо мотнула кудрями. – Сосед сказал, там не лицо, а посмертная маска. Сказал, там прямо как на картине Мунка «Крик». Картину эту я не видела, но загуглила. Вот! – Она положила на стол между Евой и Елизаровым свой смартфон.

– Спасибо, я знаю, что изображено на этой картине. – Ева смотреть в смартфон не стала, а вот Елизаров взглянул, покачал сочувствующе головой. Эмма тоже посмотрела, потемнела лицом.

– В мэрии не обрадуются, – сказала Динка. – У них этот фестиваль на носу, а тут такое!

– Что за фестиваль? – спросила Ева.

– А ты не знаешь? – Динка презрительно поморщилась. – Что ж ты за журналистка такая, если не в курсе важных городских событий?

– Это же не мой город.

– Но ты же сюда зачем-то явилась.

На мгновение, всего на пару секунд Еве показалось, что вот прямо сейчас ее раскроют и все-все про нее узнают. Про нее и мертвого ювелира...

- Точно не из-за какого-то там фестиваля.

- Это не какой-то там фестиваль, это змеефест, - произнес Елизаров отвратительным поучающим тоном.

- Змеефест... - Эмма нахмурилась. Слово ей явно не нравилось. Еве, впрочем, тоже. - Придумают же названьице!

- А почему змеефест? - спросила Ева. В беседе этой она чувствовала себя явным аутсайдером. О происходящем в городе знали все, кроме нее. Даже Елизаров, который прибыл только что.

- Потому что история нашего города удивительна и неповторима! - Эмма прижала ладонь к пышной груди. - Потому что про страшного змея, что жил в Стражевом озере, знает и стар, и млад.

- Ева вот не знает, - поддел Елизаров.

- Так я ей буклетик продам с кратким пересказом. - Эмма сделала знак Леночке, и та с явной неохотой отошла от их столика. Наверное, за буклетиком.

- У нас тут всё со змеиной тематикой. - Динка тут же заняла ее место, подперла кулаком острый подбородок, посмотрела на Елизарова. - Этно и прочий фолк нынче в большой моде. Всякий мало-мальски уважающий себя город желает иметь в личном пользовании какое-нибудь Чудо-Юдо.

- И в Чернокаменске оно есть? - спросила Ева, заранее зная ответ.

- Было. Ты ни озеро, ни остров, похоже, еще не видела?

- Я только приехала. - На самом деле Ева видела и озеро, и остров, и даже замок на нем. Видела на открытках, фотографиях, которые выловила в Сети, и даже на гугл-картах.

– Обязательно посмотри! – посоветовала Эмма. – У нас есть на что посмотреть. Удивительные места! Удивительные! – Потом она, наверное, вспомнила про убийства и пригорюнилась.

Ева ее понимала. Убийства, а особенно убийства молодых девушек, популярности городу не принесут. А от популярности, надо полагать, зависит и доход кафе. То ли дело фестиваль!

– Когда-то остров был настоящим островом! – Вернулась Леночка, положила перед Евой красочный буклет, сказала деловым тоном: – Триста рублей. Берешь?

– Беру. – Ева придвинула к себе буклет. На обложке была фотография Стражевого озера, сделанная с высоты птичьего полета. Почти как на гугл-картах, только красивее.

– А теперь видишь, – Леночка кивнула на фото, – остров соединен с сушей.

– Землетрясение в тридцать восьмом году прошлого века, – уточнила Эмма. – Тряхнуло так, что изменился рельеф и появилась эта самая перемычка.

– Змей, – сказала Динка мрачно. – Говорите уж как есть, Эмма Львовна. Не перемычка, а каменный змей. Я первый год, как сюда приехала, комнату у бабки снимала. Бабка старая была, ровесница революции. Вот она рассказывала, что в тридцать восьмом что-то такое случилось, что подводный змей со дна озера всплыл и подох. А как подох, окаменел и превратился вот в эту перемычку.

– Сказки, конечно, – сказала Эмма успокаивающе, – но перемычка эта и в самом деле очень уж на гигантского змея похожа. Да ты полистай буклетик, там есть фотография головы.

Голова и в самом деле имелась. Огромная, шипастая, она лежала на берегу острова. Из разверстой каменной пасти вывалился раздвоенный язык, глаза казались полуприкрытыми, но не отпускало ощущение, что они следят за каждым твоим движением.

– Это ведь искусственное все, – сказала Ева не слишком уверенно. – Вырубил кто-то из камня?

– Натуральное! – Динка достала из кармана крахмального передничка пачку сигарет, бросила быстрый взгляд на Эмму и сунула пачку обратно. – Бабулька моя клялась и божилась, что змеюка в таком именно виде и всплыла. А башкой уткнулась как раз в маячную башню, оттого башня и рассыпалась. Вон там позади башки как раз ее руины.

Маяк Ева тоже видела. На картинках и на старых фото. Маяк и сам чем-то был похож на змею, которая встала на хвост и тянется к небу. Он разрушился во время того самого землетрясения, которое изменило рельеф острова.

– Башня сама рассыпалась, безо всяких змей, – отмахнулась Эмма. – Мастера Берга была работа. – Она снова кивнула на буклет. – Там все есть. И про Берга, и про его работы. Необыкновенный был человек! Мы, чернокаменные, очень им гордимся. Хоть и не из местных был, но все равно наш. Кутасовскую усадьбу тоже он построил.

– Усадьбу? – Про усадьбу Еве хотелось бы поподробнее. И не только услышать, но и увидеть своими собственными глазами место, в которое перед смертью направил ее Марк Витальевич.

– Сейчас там музей, а раньше чего только не было. – Похоже, историю города Эмма любила всем сердцем. – Вам обязательно нужно увидеть часовую башню, ее тоже Берг построил. Поднимитесь на смотровую площадку, посмотрите на бронзовые фигуры.

– Не получится, – сказала Динка. – Вход в башню закрыли. Говорят, на реставрацию.

– К змеефесту обещали открыть, – ввернула Леночка. – И даже механизм починить и запустить.

– Верь всему, что обещают! – Динка раздраженно дернула плечом. – С механизмом там полный порядок. Просто запустить его никому не удастся. Бабулька моя уверяла, что механизм этот самим Бергом заговоренный.

– Зачем его было заговаривать? – усмехнулся Елизаров. – Антинаучно это как-то.

– Смертей, говорят, с ним было много связано. Сам же Берг со смотровой площадки чуть не навернулся. Механизм сам собой включился, вот он равновесие и не удержал. Спас его кто-то из местных...

– Не из местных, – покачала головой Эмма. – Спас его беглый каторжник граф Федор Шумилин. Там такая история была. – Она закатила глаза, то ли вспоминая историю, то ли восхищаясь ею. – Трагическая!

– Да тут у вас кругом трагические истории, несравненная! – Елизаров поерзал, устраиваясь поудобнее, сцапал с тарелки последний пирожок.

– Правда твоя, красавчик. Истории у нас либо трагические, либо страшные. О них я в буклетике тоже написала.

– Вы написали?! – переспросил Елизаров восхищенно, а Ева украдкой глянула на обложку буклетика.

Так и есть – составителем значилась некая Палий Э. Л.

– Наша Эмма Львовна – целый кладезь талантов! – подал голос бармен, который энергично полировал стойку и, оказывается, прислушивался к их беседе. – Про историю города лучше нее вам никто не расскажет!

– Отец мой отсюда родом, – уточнила Эмма. – И дед, и прадед тоже. Палий – в Чернокаменске фамилия известная. Врачебная династия. Только вот я не пошла по родительским стопам.

– И прекрасно, что не пошла! – Бармен перестал полировать стойку, уперся в нее широкими ладонями. – А пошла бы, не было бы у нас всей этой красоты.

– Лыстец ты, Дмитрий Палыч! – отмахнулась Эмма, но было очевидно, что похвала ей приятна. – А прадед мой и Берг приятельствовали. У меня даже сохранился альбом с набросками. Берг его прадеду то ли подарил, то ли на хранение оставил, да так и не забрал. Очень незаурядные там наброски, в детстве я любила их рассматривать. А сейчас вот понимаю, что детям такое в руки давать нельзя, что альбому этому цены нет.

- Цены нет, и змеефеста теперь не будет, - мрачно резюмировала Динка.

- Почему это не будет? - удивился Елизаров так искренне, словно ему есть какое-то дело до какого-то феста.

- А кто поедет в город, где такое творится?! - задала риторический вопрос официантка.

- Ну, вот мы же приехали.

- Найдутся сумасшедшие, - снова подал голос бармен. - Погодите, этот душегуб Чернокаменску еще и рекламу сделает. Сейчас же оно у нас как? Чем страшнее и чернушнее, тем лучше, тем рейтинги выше.

- Да ну тебя, Дмитрий Палыч, с такой рекламой и такими рейтингами! - замахала на него руками Эмма, а потом обвела присутствующих на террасе девушек строгим взглядом и сказала уже другим, серьезным тоном: - А вы, девки, смотрите осторожнее теперь. С незнакомыми мужиками по городу не шастайте. И за городом тоже, - добавила после небольшой паузы.

- Так не факт, что это незнакомый. - Динка всем своим видом выражала недоверие и сарказм. - Может, это кто-то свой, чернокаменский!

- Нет у нас таких иродов, - стояла на своем Эмма. - Не может быть!

- Так уж и не может? А восемнадцать лет назад маньяка ветром надуло?

- Много ты знаешь про то дело! - Эмма, до этого веселая и приветливая, вмиг помрачнела, сделалась темнее тучи.

- Ну, кое-что слышала.

- Ты слышала, а я знаю! Так что не болтай о том, чего не понимаешь! То дело темное, закрыли-замяли, разбираться не стали.

- Какое дело? - По хребту пополз холодок, словно бы среди ясного солнечного дня задул северный ветер. - Девушек и раньше убивали?

– Закрыто дело! – сказала Эмма резко, и Еве показалось, что она сейчас сорвется, закричит в голос.

– Да и убийца давно в земле гниет, – добавил бармен из-за стойки. – Слышишь, Эмма, нет его больше!

Эти двое разговаривали о чем-то только им одним понятном и делиться с остальными не хотели. Есть, оказывается, в Чернокаменске тайны, о которых даже говорить не принято. Говорить не принято, а Еве нужно знать. До недавнего момента интересовал ее только один-единственный вопрос, и казалось, что получить ответ на него можно только у ювелира, что только он – хранитель всех чернокаменских тайн, а он не помог. Вместо этого перед смертью загадал новую загадку. Ну, ничего! У нее есть время, и, самое главное, у нее есть желание со всем разобраться. Надо только решить, где остановиться на постой.

– А есть здесь какая-нибудь гостиница? – спросила она, обращаясь к Эмме.

– Гостиница есть, но она на ремонте. – Эмма взяла себя в руки. Теперь она казалась такой же, как раньше – добродушной и немного ироничной. – К фесту мэр обещал до ума все довести. Несколько недель осталось до того феста, а ремонту ни конца, ни края не видно.

– В замке есть места, – вставила Динка. В голосе ее послышалось что-то такое... странное.

– Ты что?! – Леночка посмотрела на нее с недоумением. – В замке дорого! Там же после реставрации все эксклюзивно, все по высшему разряду.

– Это в том замке, что на острове? – спросила Ева. Для себя она уже все решила, хоть Марк Витальевич и предупреждал.

– Не нужно вам на остров, – возразила Эмма таким тоном, словно детей малых отчитывала. – Ленка права, дорого там все, запредельные цены. И на кого только рассчитаны?! Если хотите, я кое с кем переговорю, организую вам постой. Шик-блеск не обещаю, у нас тут, чай, не столица! Но крышу над головой и койку найти можно. А если немного приплатить, так хозяева вас еще и покормят.

– На острове тоже покормят, – не сдавалась Динка. – Там, говорят, в восточной башне ресторан открыли. На самой верхотуре! Красиво! Сидишь себе, шампанское попиваешь и окрестностями любишься!

– Мало ли что говорят! – хмыкнула Леночка. – Я пока своими собственными глазами не увижу, не поверю.

– А я увижу! – Динка упрямо вздернула подбородок.

– Это если только тебя на остров прислугой возьмут. Так ведь не возьмут, там кастинг! – Последнее слово Леночка произнесла с придыханием.

– Я не прислугой, я гостем все увижу! – Динкин взгляд сделался мечтательным, даже острые плечи округлились.

– Ну и дура, – бросила Эмма устало. – Нечего вам на острове делать. – Дурное то место, гиблое.

Про дурное место Еве хотелось бы узнать поподробнее, но Эмма словно бы утратила интерес к разговору, встала из-за стола, расправила передник и проговорила:

– Ладно, некогда мне тут с вами. Если с постоем решитесь, скажете мне. Я здесь, считай, с утра до ночи. А на остров не суйтесь. Хочется на руины наши взглянуть, так сходите посмотрите. А жить там... – Она вздрогнула всем своим пышным, сдобным телом. – Только сумасшедший захочет жить на острове после всего, что там случилось...

Эмма ему понравилась с первого взгляда. Бывают такие уютные люди, с которыми сразу же чувствуешь себя легко. Роман бросил быстрый взгляд на девчонку. Она сидела насупившись, крутила в тонких пальцах пустую кофейную чашку и, казалось, сама не понимала, что делает. А кончик ее длиннющей косы – Роман никогда не видел волос такой длины! – нервно дергался, словно кошачий хвост. Была у него знакомая кошка, которая одним лишь движением хвоста умела выражать свое крайнее неудовольствие. Девчонка с претенциозным, совершенно ей не подходящим именем Ева сейчас как раз и была похожа на ту

кошку. Даже разрез глаз у нее оказался кошачий. Захотелось присмотреться, убедиться, что зрачки не вертикальные, а самые обыкновенные.

А вот с когтями кошке Еве не повезло, когти эти давно не видели маникюра. Мало того, Роман подозревал, что местами они вообще обгрызены. Этот факт многое говорил об их хозяйке и ее душевном состоянии. И с первым, и со вторым были явные проблемы. Тут и к психиатру не ходи! Да и на дороге она себя повела весьма характерно. Не то чтобы сильно обидела своими подвывертами, но озадачила точно. Не любил Роман вот таких сложных, с нервными хвостами и обгрызенными ногтями. Ему куда милее были румяные блондинки, навроде официантки Леночки. С такими в жизни никаких хлопот. Главное, следить, чтобы они ничего лишнего себе не напридумывали. А если уж напридумали, вовремя унести ноги. Даже чернявую и костлявую Динку, девицу непростую, с претензиями, он бы сумел укротить. Таким, как Динка, нравится, чтобы их непременно укрощали. А как относиться к Еве, он пока не решил. Можно было бы вообще никак не относиться, но любопытство взяло свое. Роману стало любопытно. И это хорошо. Потому что до недавнего момента пребывание в Чернокаменске виделось ему затеей скучной и рутинной. А теперь так все закручивается! Какая уж тут рутина! Он глянул на часы, дедов подарок, усмехнулся. Лихо началась его командировка. Ничего не скажешь!

Деду, кстати, нужно будет обязательно позвонить, чтобы не переживал. Дед волнуется, когда Роман уезжает надолго. То есть волнуется почти всегда, а ему в его возрасте волноваться нельзя. Он, конечно, не человек, а камень, но все же. Если можно минимизировать вред, то обязательно нужно его минимизировать. Дед сам так его учил. Научил на свою голову.

От мыслей о деде Роман отвлекся, когда речь зашла про остров и замок. По всему выходило, что место это весьма необычное. Он кое-что читал, не то чтобы пристально изучал, но ознакомился с историей Чернокаменска и его обитателей. Права была Эмма, истории сплошь оказались страшными и трагическими. Взять хотя бы ту, почти двадцатилетней давности. Девочке Еве очень хочется узнать, что это за история такая, и она узнает. Это видно по сведенным на переносице, словно углем подведенным прямым бровям, по сосредоточенному прищурю и нервному подрагиванию кончиков пальцев. Она чего-то боится до судорог, до зубовного скрежета. Но в то же время она только что что-то для себя решила.

И Эмма тоже что-то для себя решила. А как только решила, утратила к разговору всякий интерес. Когда это случилось? Когда они стали расспрашивать про

Стражевой Камень, про события восемнадцатилетней давности? Сначала ведь бойко все рассказывала, с душой, а потом словно закрылась. Наверное, ее можно понять. Она в городе старожил, она была свидетельницей тех страшных событий. И то, что для них всех лишь очередная страшилка, для нее – воспоминания. Но идея поселиться на острове хороша!

Похоже, Ева рассуждала так же, ее тоже влекло то неведомое и страшное, что местные связывали с озером и островом. Людей тянет в такие места. Есть в них жуткий и необъяснимый магнетизм, заставляющий забыть о чувстве самосохранения.

Если бы еще пару часов назад Роману сказали про самосохранение, он бы только пожал плечами. Если у прошлого и есть власть над настоящим, то сила ее явно преувеличена. Красивая, пусть и жуткая легенда рискует навсегда легендой и остаться. Но в тихом городке Чернокаменске легенда вдруг начала обретать плоть, напившись крови двух – пока еще двух! – убитых девушек. Убитых или принесенных в жертву?

Вопрос этот был неожиданным и шокирующим. Ни о чем подобном Роман рассуждать не собирался. Предстоящая работа до недавнего времени не вызвала в его сердце ни особого отклика, ни эмоций. Если бы не собственный шкурный интерес, который неожиданным образом совпал с интересами заказчика, оказалось бы и вовсе скучно. Но интересы совпали, а события в городе внезапно стали развиваться весьма стремительно.

– А в замке будут свободные места? – спросила Ева. Взгляд ее сделался чуть менее тревожным и чуть более задумчивым.

– Лена права – дорогое место! Очень дорогое! – Динка глянула на опустевший после ухода Эммы стул, вытащила сигареты, торопливо закурила, добавила мрачно: – Она не любит, когда курят. Клиентам можно, а меня ругает.

– Насколько дорогое? – Ее последнюю тираду Ева пропустила мимо ушей. Пора бы понять, что деликатность этой девице не свойственна.

– В общем, так, – Динка с наслаждением затянулась, – на свою зарплату я могу прожить в замке аж два дня. Сказать, какая у меня зарплата? – Она с вызовом прищурилась.

– Не надо. – Ева достала из кошелька купюру, положила в папку с меню. – Спасибо, – сказала вежливо. – Мне пора.

– Сдача?.. – Динка глянула на купюру, вопросительно выгнула бровь.

– Оставь себе.

– Благодарствуем! – Динка ухмыльнулась и пыхнула облачком дыма прямо Еве в лицо. Да уж, девица с характером! И с гонором.

Ева оказалась тоже с характером. Отмахнувшись от дымного облачка, она холодно улыбнулась Динке, вежливо кивнула бармену и Леночке. Прощаться с Романом не стала. Да и с какой стати? Они ведь толком так и не познакомились. К своему джипу она подошла решительным шагом, пикнула брелоком сигнализации, уселась за руль.

– Фифа, – процедила Динка сквозь сцепленные зубы. – Понаедут тут и начинают. – Она глянула на Романа, ожидая поддержки. Тот кивнул:

– Фифа и есть! Мне, кстати, тоже уже пора.

Спешить на остров Роман не стал, если уж место это такое элитное и дорогое, то найдется и для него свободный уголок. Благо, более чем щедрые командировочные позволяли не думать ни о крыше над головой, ни о хлебе насущном. Возможно, он даже встретит закат, сидя со стаканом виски на той самой башне, с которой открывается чудесный вид на окрестности. А пока у него есть еще кое-какие неотложные дела.

Значит, на остров ей нельзя. Все ее отговаривают. И живые, и мертвые. А если нельзя, но очень хочется, то можно. Слишком уж все странно и необычно. И маньяк... Официантка Леночка сказала, что обеих девушек нашли с перерезанным горлом. Марку Витальевичу тоже перерезали. И пусть нашли его не на берегу озера, а в собственной квартире, нельзя исключать вероятность того, что и девушек, и ювелира убил один и тот же человек. Ева мотнула головой, пожалуй, излишне резко выкрутила руль. Так резко, что джип повело. Просто нельзя называть человеком того, кто способен на такое. Это не человек,

это чудовище. Его сотни лет искали на дне Стражевого озера, а он прятался среди людей.

Чтобы добраться до места, Еве не понадобился даже навигатор. В Чернокаменске, казалось, все дороги вели к Стражевому озеру. Во всяком случае, на указатели мэрия не поскупилась. На сей раз город Ева проскочила быстро, всего через пару минут оказалась сначала в пригороде, а потом и на добротной, свежезаасфальтированной дороге. По одну сторону от дороги раскинулось пшеничное поле, а по другую заливной луг. Ева опустила стекла, вдохнула полной грудью пахнувший травами и медом воздух. В городе – а была она на сто процентов городской жительницей – так вкусно и так радостно не пахнет. И птицы так звонко не щебечут, и пчелы не жужжат. В городе не увидеть столько жизни, и Еву этот факт раньше никогда не смущал. Раньше не смущал, а теперь вот смутил. Или просто удивил. А дорога нырнула в лесную чащу, под густую сень старого соснового леса. Сменились звуки и запахи. Вместо густого медового духа пришел не менее густой смолистый, птичьих голоса сделались приглушенными, краски утратили яркость, но приобрели глубину. Красиво! В самом деле красиво! И запросто можно понять тех, кто стремится на змеефест ради этой первозданной красоты. Но оказалось, что самая красота еще впереди, что ни картинки, ни фото, ни гугл-карты не могут передать истинного величия того, что всего через пару минут предстало перед Евиным взором.

Озеро было волшебным! Еве казалось, что по-настоящему захватывать дух может только от вида морских пейзажей, что только на море – простор, мощь и красота. Она ошибалась. Как же она ошибалась!

Волны выплескивались расплавленным серебром на безлюдный берег, до блеска вылизывали черные бока каменной перемычки, которая издалека и в самом деле была похожа на огромного застывшего змея. Змей умер на пути к острову, положил шипастую голову на его изножье и замер навеки. А остров остался, он пережил и змея, и землетрясение, и людей, которые когда-то на нем обитали. Он тянулся к небу острыми верхушками вековых сосен и башнями старого – ну точно средневекового! – замка. Он ждал Еву. Отчего-то Ева была уверена, что остров ее ждет. Только ее одну и ждет...

Перед въездом на каменную перемычку стоял еще один указатель. На оправленной в чугунные завитушки деревянной табличке было написано: «Стражевой Камень ждет тебя». Ева усмехнулась, похоже, ощущение

собственной исключительности на берегу этого удивительного острова возникало не у нее одной. Он ждал всех.

Джип взобрался на мощенную брусчаткой дорогу, тихо порыкивая, покатился к острову, а Еве подумалось, что брусчатка похожа на чешую. Так получилось нечаянно или те, кто строил дорогу, сделали это специально? Этно и прочий фолк, как выразилась Динка. Дорога оказалась не узкой и не широкой – достаточной, чтобы на ней могли разминуться два автомобиля или проехать крупный грузовик. Еву тревожила опасная близость воды и темные глубины. Будь ее воля, она непременно поставила бы по краям дороги ограждение, но тогда, вероятнее всего, пропали бы магия и весь колорит. Не бывает гигантских змеев с ограждениями вдоль хребта, это нонсенс!

А остров и замок тем временем приближались. В лучах яркого солнца стены замка казались черными, неприступными и неприветливыми. Наверняка это была всего лишь игра воображения, потому что на въезде на остров прямо у разверстой змеиной пасти стоял еще один чугунный указатель. «Ты пришел. Я дождался тебя, странник!» Определенно, тот, кто устанавливал указатели, был не лишен оригинальности и весьма своеобразного чувства юмора. Не совсем понятно, кто именно дождался странника: остров, замок или вот этот мертвый каменный змей. Отчего-то думалось на змея. Наверное, на то и был весь расчет.

Побережье острова показалось Еве диким и заброшенным, но лишь в первое мгновение. Стоило только дороге обогнуть руины разрушенного маяка, как ощущение заброшенности исчезло. За этим удивительным местом следили, ухаживали за ним с немалой любовью, наверняка вкладывали в него большие деньги, превращали в ожившую сказку. И пускай мертвый змей остался на берегу, но вон в том сосновом бору запросто может жить семейство муми-троллей, а на лугу, утопая по самое брюхо в сочной траве, пастись единорог. И дорога, все та же брусчатка, как-то совершенно незаметно превратившись в аллею, засаженную старыми липами и высокими кленами, увлекала все дальше в глубь острова, пока не вывела к замку.

И если остров казался пусть прекрасной, но все же стилизацией чего-то сказочного, то замок и был сказкой. Он разглядывал Еву сквозь узкий прищур стрельчатых окон, не спешил принимать с распростертыми объятьями, изучал. И горгульи, крылатые твари, оккупировавшие крышу Восточной башни, тоже изучали, тянули длинные шеи, недобро скалились. В горгульях не было ничего прянично-сказочного. В отличие от единорогов и муми-троллей именно они

являлись исконными обитателями острова, безмолвными свидетелями всего, что происходило в замке и за его пределами. Им не требовалось казаться лучше, чем они есть на самом деле, они не любили никого, даже своего создателя. А создатель, тот самый удивительный мастер Берг, их любил. Их, замок и весь остров. Потому что без любви невозможно сотворить все это мрачное волшебство, по сравнению с которым бронзовые указатели с многозначительными надписями казались глупой детской затеей. Август Берг не просто построил замок посреди острова, он наделил этот замок душой. Оказывается, такое тоже возможно. И, наверное, Ева правильно поступила, когда решила поселиться на острове.

Она поставила джип на скрытой розовыми кустами парковочной площадке, приткнула его между приземистым спортивным автомобилем и солидным, уважаемым «Мерседесом» и пошла к замку. Двустворчатые дубовые двери, больше похожие на ворота, открылись неожиданно легко и бесшумно. Наверное, средневековую монументальность поддерживал какой-то хитрый современный механизм. После почти африканского пекла Ева оказалась в кондиционированной прохладе и уютном полумраке. Какое-то время потребовалось на то, чтобы глаза адаптировались, поэтому Ева сначала услышала и лишь потом увидела первого обитателя замка.

Шаги были по-девичьи легкими – дробный перестук каблучков по каменным плитам холла, но голос, надтреснутый, с хрипотцой, беспощадно выдавал истинный возраст своей хозяйки.

– Добро пожаловать на Стражевой Камень!

Перед Евой, которая наконец-то открыла глаза, остановилась невероятной красоты женщина. Она была стройна, высока, элегантна. Очки в дорогой оправе, нитка жемчуга на длинной шее, шелковый брючный костюм и туфли на высоких каблуках. Те самые туфли, которые цокали совсем по-девичьи и рождали под сводами замка веселое эхо. Еве подумалось, что именно такая хозяйка нужна этому удивительному месту, что никто другой здесь не приживется, не добьется расположения замка и горгулий.

– Здравствуйте. – Она улыбнулась как можно приветливее, но руки на всякий случай спрятала в карманы. – Я слышала, здесь можно снять номер.

Ева бывала во многих дорогих и пафосных местах. Иногда с Герой, иногда самостоятельно. Это были неудобные места с неудобными людьми, которые оценивали остальных исключительно по одежке и не давали ни единого шанса тому, кто не проходил их строгий кастинг. В этом средневековом замке, определенно очень дорогом и очень респектабельном, ей никто не стал устраивать кастинг, на ее вопрос ответили не просто дежурной вежливостью, а по-человечески приветливо.

– Разумеется! – сказала дама и рассеянно коснулась нитки жемчуга. – Мы здесь, на Стражевом Камне, всегда рады гостям. Я Амалия – управляющая отелем.

Значит, не хозяйка, а всего лишь управляющая. Впрочем, стала бы хозяйка собственнически встречать постояльцев!

– А я Ева. Я вот... приехала к вам погостить.

– Наверное, на змеефест? – Амалия понимающе улыбнулась. – Было очень разумно с вашей стороны, Ева, приехать на остров заранее.

– Почему?

– Потому что скоро в замке не останется свободных мест. На сегодняшний день у нас еще есть несколько незабронированных номеров, но, уверяю вас, это временное явление. Гостей с каждым днем становится все больше и больше.

– Их много? – не удержалась Ева от вопроса. – Я имею в виду гостей.

– Нет, что вы! – Амалия качнула головой. – Специфика нашего отеля такова, что с максимальным комфортом разместиться здесь может очень небольшое число гостей. Мы располагаем лишь дюжиной комнат. И согласитесь, сохранить домашнюю атмосферу при большом стечении народа довольно проблематично, а Черный замок славится не только высочайшим сервисом, но и по-семейному уютной атмосферой.

– Черный замок? – переспросила Ева.

– Говорят, мастер Берг называл его Черной Химерой, но это название не прижилось. – В голосе Амалии послышалось сожаление. – Поэтому Черный замок. Маркетинг, и все такое... – Она развела руками. На узком запястье сверкнул изящный серебряный браслет. – Но крайне невежливо с моей стороны держать вас на пороге! Пойдемте, Ева, я покажу вам вашу комнату, а после того, как вы устроитесь и отдохнете, проведу маленькую экскурсию по замку. Если захотите.

– Я захочу. – Сказать по правде, Еве хотелось на экскурсию прямо сейчас, но в этом доме, похоже, был свой собственный, давно установленный порядок, и нарушать его не стоило.

– Вы приехали на такси? – спросила Амалия.

– На машине. Я поставила ее на стоянке перед замком.

– У нас есть гараж. На случай непогоды, но обычно гости предпочитают иметь автомобили под рукой. Если вы дадите мне ключи от машины, я распоряжусь, чтобы ваш багаж доставили в номер.

– Спасибо, но у меня почти нет багажа. – Ева виновато улыбнулась. – Предпочитаю путешествовать налегке.

– Я вас понимаю. И даже немного завидую. Сама я почти не путешествую. Вся моя сознательная жизнь прошла на этом острове. – Продолжая говорить, Амалия направилась к широкой лестнице. – На первом этаже у нас помещения общего пользования: гостиная, бильярдная, столовая и библиотека. Гостиные комнаты на втором этаже.

Словно в подтверждение ее слов, откуда-то из глубины замка донеслись обрывки мелодии. Кто-то довольно умело играл на клавесине.

– Это Жан Валентинович, – сказала Амалия, поднимаясь по лестнице, – продюсер и кинорежиссер. Каждое лето приезжает к нам на Стражевой Камень за вдохновением. Можно сказать, постоянный гость. Он много лет живет в Москве, но родом из этих мест. Говорит, с возрастом стало тянуть к истокам.

– А фамилия? – спросила Ева. – У Жана Валентиновича есть фамилия?

– Конечно. – Амалия замерла на ступеньке, глянула на нее через плечо. – Орда. Именно так, с ударением на первый слог.

В этом месте нужно было восхищенным шепотом спросить: «Неужели тот самый Орда?!» Но Ева не стала, в голосе Амалии не слышалось ни восхищения, ни какого-то особого пиетета, о своем знакомстве с известным на всю страну продюсером она говорила как о чем-то совершенно обыденном.

– Я представлю вас друг другу за ужином. В этом доме приняты совместные ужины. Такова традиция. Гости стараются ее придерживаться. – Амалия глянула на Еву вопросительно.

– Я тоже постараюсь придерживаться традиций, – пообещала она. Стало вдруг как-то неловко, словно она маленькая неразумная девочка, а не взрослая самостоятельная женщина. Словно бы кто-то имеет право диктовать ей условия.

– Что вы, Ева! – Амалия рассмеялась звонким девичьим смехом. – Это совершенно необязательно. Правила придумали такие, как я. В определенном возрасте проще жить по правилам. А такие, как вы, вовсе не должны жить по указке. Преимуществами молодости нужно пользоваться по полной программе, чтобы потом ни о чем не жалеть.

По едва заметной грустинке в голосе показалось, что сама Амалия о чем-то точно жалеет. Хотя поверить в это было сложно. Такая роскошная женщина нашла бы себя в любой точке мира, легко и непринужденно окружила бы себя приятными вещами, обстоятельствами и людьми.

– А вот и ваш номер! – Они остановились перед одной из закрытых дверей. – Магнитные карты мы здесь не используем. – Амалия вставила в замочную скважину ключ. – Ваш экземпляр останется у вас, а дубликат – у меня, чтобы горничная могла заняться уборкой в ваше отсутствие. – Щелкнул замок, и дверь распахнулась, впуская их в просторную комнату. – За ценные вещи, пожалуйста, не волнуйтесь. – Амалия отдернула серебристые портьеры, распахнула окно, впуская в комнату ветер и солнечный свет. – У нас очень хороший, очень надежный персонал. К тому же в комнате имеется сейф. – Она кивнула в сторону дубового шкафа, украшенного искусной резьбой. – Бар пополняется каждый день, выбор напитков по вашему желанию. Это на тот случай, если вы любите уединение и не захотите спуститься вечером в гостиную.

Уединение Ева любила, но в замке она не за тем, чтобы припадать к истокам или напиваться в одиночестве. У нее есть цель. Плана пока нет, а вот цель есть. И для достижения этой цели нужно как можно больше времени проводить с людьми. Вряд ли ей могут быть полезны постояльцы, но вот от аборигенов можно узнать очень многое. Во всяком случае, Ева на это надеялась.

– Ну, вы пока обустраивайтесь. – Внимательным взглядом обведя комнату и, похоже, не найдя никаких недостатков, Амалия направилась к выходу. – Ванная вон за той дверью, можете расслабиться с дороги. А потом спускайтесь на кухню, выпьем с вами по чашечке кофе. Я варю очень вкусный кофе. Вам понравится.

И ни слова об оплате. Вот такая поразительная деликатность!

– Я бы хотела оплатить свое пребывание в замке. – Ева решила взять инициативу в свои руки, а заодно и узнать настоящую цену всей этой элегантной роскоши. – Только я не заметила рецепции.

– Потому что ее нет, – улыбнулась Амалия. – Согласитесь, средневековый замок выглядит нелепо с регистрационной стойкой посреди холла.

Ева согласилась, но вопрос с оплатой оставался открытым.

– На первом этаже есть кабинет нашего делопроизводителя. – Амалия правильно поняла ее замешательство. – Антон Палыч занимается всеми финансовыми вопросами.

– Антон Палыч?..

– Его родители были большими поклонниками Чехова. Надеялись, что сын станет таким же известным и талантливым, как его знаменитый тезка, но нашему Антону Палычу куда милее цифры. Отдыхайте, Ева! Осваивайтесь на новом месте! А когда освоитесь, спускайтесь ко мне!

Амалия по-свойски помахала Еве рукой и вышла в коридор. Пушистая ковровая дорожка заглушила ее шаги, придушила так и не родившееся эхо. А Ева, немного постояв у закрытой двери, подошла к окну. Отсюда можно было увидеть

угол Восточной башни с выводком горгулий, небольшой кусок заднего двора, старые сосны и дощатый причал с привязанными к нему двумя прогулочными лодками и одним гидроциклом. Ева уже готова была отойти от окна, когда увидела внизу человека. Еще один обитатель острова пересекал задний двор неуверенным шагом, подтягивая правую ногу и как-то неловко прижимая к груди правую руку. Так передвигаются беспомощные старики или люди, перенесшие инсульт. Вот только человек не был стариком. Словно почувствовав Евин взгляд, он распрямил сутулую спину, приложил ко лбу ладонь «kozyрьком», посмотрел вверх.

У него было странное лицо. Определенно еще не старое, но и молодым не кажущееся: узкое, костлявое, с тонкими губами и скошенным безвольным подбородком. На лице этом выделялись лишь глаза, яркие, как васильки. Их яркость Ева сумела рассмотреть даже на таком расстоянии, а еще она поймала совершенно безмятежный взгляд. Такой бывает только у маленьких детей или блаженных.

Наверное, Еву он разглядел так же хорошо, как и она его, потому что после секундного замешательства широкие ладони с длинными пальцами метнулись к лицу, прижались к впалым щекам, а рот растянулся в гримасе не то отвращения, не то удивления. Длилось все это считанные мгновения, а потом человек взмахнул обеими руками, словно собирался взлететь вверх, к Евиному окну, и засмеялся так, что по телу побежали мурашки. Почти тут же на заднем дворе появилась пожилая дама в накрахмаленном переднике и белоснежном чепце. Она бросила быстрый взгляд на Еву, а потом ухватила блаженного за рукав, потащила за собой в сторону хозпостроек. Он шел медленно, точно нехотя, то и дело оборачиваясь и задирая голову, чтобы разглядеть в оконном проеме Еву. Отчего-то она не сомневалась, что плавающий, рассеянный взгляд васильковых глаз ищет именно ее.

Ева захлопнула окно, плюхнулась на кровать, сжав виски руками. Не то чтобы у нее болела голова, но ощущение было странное, словно бы она чувствовала легкую вибрацию, что шла от каменных плит пола и по костям передавалась прямо в череп.

– Усталость и стресс, – сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь, и убрала руки от висков. – А еще растрясло на брусчатке.

Помогло. У нее с детства была удивительная особенность находить объяснение необъяснимым вещам. Иногда Еве даже казалось, что именно этим она и привлекла внимание доктора Гельца. Нужно быть весьма незаурядным пациентом, чтобы тобой заинтересовался сам доктор Гельц, светило с мировым именем. Одних только Гериных денег на это точно не хватило бы.

Ева решительно тряхнула головой и так же решительно встала с кровати. На то, чтобы принять ванну, у нее ушел почти час. Можно было ограничиться душем, но ванна на львиных лапах так и манила, так и манила. А Еве нужно было расслабиться, хоть ненадолго сбросить с плеч груз старых и новых страхов, собраться с мыслями. Волосы тоже сохли долго. Даже с феном. В такие минуты Ева клятвенно обещала себе обрезать их хотя бы наполовину, но потом как-то успокаивалась. До следующего мытья головы.

Из своей комнаты она вышла тихонько, едва ли не на цыпочках. Этот старый дом требовал тишины и уважения, а Ева привыкла подчиняться правилу. По сути, вся ее жизнь состояла из свода правил. Часть из них придумал доктор Гельц, а часть Ева установила сама. Так было проще всем: и ей, и тем, кто попадал в ее близкий круг. Людей таких, надо сказать, было очень немного. Хватило бы пальцев одной руки.

На первый этаж она спускалась медленно, оглядываясь по сторонам, прислушиваясь и даже принюхиваясь. Клавесин молчал, зато Ева слышала сухое костяное пощелкивание: кто-то играл в бильярд. А еще пахло кофе. Очень вкусно пахло, куда вкуснее, чем в кафе Эммы. Ева пошла на запах и по запаху же нашла кухню. Из-за неплотно прикрытых дверей доносились приглушенные голоса и смех. Кто-то был настолько бесцеремонен, что отважился побеспокоить замок смехом. Едва взявшись за дверную ручку, Ева уже знала, кто это такой...

Роман Елизаров сидел за широким дубовым столом, прислонившись спиной к стене и вытянув длинные ноги. Перед ним дымилась огромных размеров чашка и стояло блюдо с шоколадным печеньем. Судя по всему, еще не так давно печенья на блюде было в два раза больше. У огромной плиты хлопотала та самая пожилая дама, которая уводила со двора юродивого, а Амалия с кофейной чашкой в руках стояла у распахнутого настежь окна. Только смотрела она не в окно, а на Романа Елизарова, надо думать, еще одного дорогого гостя. Она улыбалась ему по-матерински снисходительно, и Ева вдруг почувствовала укол ревности. Ощущение это было настолько новым и непривычным, что она замерла на пороге, забыв даже поприветствовать присутствующих.

– Привет, хвостатая! – Зато Елизаров не забыл. В этом доме он был всего пару минут, но, похоже, уже полностью освоился.

– Сам ты хвостатый. – Ева не обиделась, просто не нашлась, что ответить.

– Я вижу, вы уже познакомились. – Амалия усмехнулась и сделала маленький глоток из своей чашки.

– Было дело! – Елизаров радостно закивал. – Мы с Евой в некотором смысле попутчики. Вместе въехали в этот чудесный город.

– Я въехала первой. – Замешательство длилось недолго, Ева быстро взяла себя в руки.

– Разумеется, первой. – Елизаров почесал предплечье, на запястье сверкнули часы. – Потому что бросила товарища в беде.

– Ты мне не товарищ.

– Похоже, вы подружились. – Амалия оставила чашку на широком подоконнике, сама подошла к плите, сказала: – Тетя Люся, позвольте мне.

Тетя Люся, та самая дама в переднике, с явной неохотой отложила поварешку, но место у плиты все-таки уступила.

– Это хорошо, когда на острове человек не остается один на один со своими... – Амалия осеклась, продолжила уже другим, деловым тоном: – Я сварю вам кофе, Ева. И обратите внимание на печенье. У тети Люси великолепная выпечка.

– Подтверждаю, – встрял Елизаров и вороватым движением придвинул к себе блюдо. – Выпечка шикарная!

Тетя Люся посмотрела на него строго и вместе с тем ласково, как на нерадивого внука, и Еву снова кольнула ревность. У нее не получалось сходиться с людьми. Даже общение с Герой, единственным и горячо любимым братом, доставляло неловкость им обоим. Что уж говорить про чужаков! А Елизаров, похоже, был

королем коммуникации и любимчиком зрелых дам. Вон и тетя Люся не устояла, пробормотала что-то сердитое, но печенья на блюдо добавила. И Ева как-то сразу догадалась, что предназначается угощение отнюдь не ей.

– Я видела человека. Он вел себя странно. – Вдруг захотелось разрушить эту пасторальную картинку, показать остальным, что не одна она неидеальная.

– Странного? – Амалия поставила турку на огонь. Медь гулко звякнула о чугунок.

– Горыныч, – проворчала тетя Люся. – Опять чудит. Стал посеред двора и машет руками, что та мельница. А еще смеется. Я его увела. От греха подальше, чтобы гостям не мешал.

– Горыныч? – Елизаров удивленно приподнял бровь.

– Гордейка Горынычев, – объяснила тетя Люся. – Фамилия у него такая, но все зовут его Горынычем. Да вы не бойтесь. – Она бросила быстрый взгляд на Еву. – Так-то он безобидный. Не без придурки, конечно, но не злой. К постояльцам он не лезет, мы за этим строго следим, да он и сам понимает, хоть и малоумный.

– Гордей с рождения живет на Стражевом Камне, – сказала Амалия, не оборачиваясь. Спина ее была прямой и напряженной. Наверное, приготовление кофе требовало большой концентрации. – Еще с тех времен, когда в замке был детский дом. Его отец... – Еве показалось, что голос Амалии на мгновение дрогнул, – его отец работал в детском доме врачом. Мальчик был при нем, а уже потом... – Она снова запнулась.

– Да уж говорите как есть, Амалия! – взмахнула рукой тетя Люся. – Когда ирода этого пристрелили, пацаненок так и остался при острове. Его в какой-то интернат тогда определили, а он всякий раз сбегал и на Стражевой Камень возвращался. Так и бегал туда-сюда, пока совершеннолетия не достиг. Тогда уж его тут, – она бросила быстрый взгляд на Амалию, – оставили. Из жалости.

– Вот именно, из жалости, – заговорила Амалия неожиданно строгим, холодным тоном. – Гордей от своего отца тоже натерпелся. Никто из нас не знает, что довелось пережить бедному мальчику! – Она говорила так, словно и в самом деле считала мужчину, которого Ева видела во дворе, маленьким мальчиком. – А мы тем и отличаемся от зверей, что способны к состраданию.

– Так я ж ничего! – Тетя Люся вдруг всполошилась, щеки ее пошли бурыми пятнами. – Разве ж я Гордейке чего плохого желаю?! Я только за постояльцев переживаю. Вон он сегодня девушку напугал! – Она глянула на Еву, ожидая поддержки.

– Он не напугал. Просто это вышло неожиданно...

– А что случилось с его отцом? – спросил Елизаров. – Вид у него по-прежнему был расслабленный, даже ленивый, но именно он задал вопрос, который так и не решилась задать Ева. – Что с ним было не так?

Прежде чем заговорить, повариха дождалась молчаливого одобрения Амалии.

– Вы не из местных, а потому не знаете, но шило в мешке не утаишь и пятно это не ототрешь.

– Тетя Люся! – не сказала, а простонала Амалия. – Да хватит уже этого драматизма! – Она сняла турку с огня, перелила кофе в фарфоровую чашку, поставила перед Евой: – Угощайтесь, – сказала радушно и тут же добавила совсем другим, усталым голосом: – Это место всегда было особенным, вся история острова и замка наполнена болью и трагедией.

– Удивительный маркетинговый ход – рассказать постояльцам, что живут они в страшном месте! – восхитился Елизаров. – Наверное, по причине эксклюзивности у вас здесь такие заоблачные цены!

– Спрос рождает предложение, – одними уголками губ улыбнулась Амалия. – Люди падки до страшных историй и особенных мест. За возможность прикоснуться к чему-то выходящему за рамки они готовы платить очень большие деньги. Вот вы ведь готовы? – Она посмотрела на Елизарова очень внимательно.

– Готов! – легко согласился тот. – За прикосновения готов, за комфорт, но больше всего за ваш чудесный кофе, Амалия! – Он с вождением покосился на Евину чашку, и та предусмотрительно придвинула ее к себе. – Я читал историю про оборотня! В каком это было веке? Восемнадцатом?

– Девятнадцатом, – улыбнулась Амалия. – Я сварю вам еще кофе. – Она вернулась к плите. – История та в самом деле была страшная и необычная. Сохранились даже кое-какие документальные свидетельства. В кабинете прежнего хозяина стоял стул со следами волчьих когтей на подлокотнике и стол с кровавыми следами от оторванной головы.

– Голову, надо полагать, хозяину оторвал оборотень? – уточнил Елизаров.

– Если верить легенде. Стол куда-то подевался, а стул до сих пор хранится в замке. Его забрал в свой кабинет Антон Палыч. Кстати, он утверждает, что стул до крайности удобный. Антон Палыч у нас мучается радикулитом, и удобство мебели имеет для него первостепенное значение.

– Дурью он мается, а не радикулитом, – хмыкнула тетя Люся, и сразу стало понятно, как она относится к здешнему бухгалтеру.

– Я слышал, около двадцати лет назад на острове случилась какая-то трагедия. – Теперь уже Елизаров неожиданно стал очень серьезным. Наверное, события недалекого прошлого его не забавляли так, как старинные легенды про оборотней.

– Погибли дети, – сказала Амалия, не оборачиваясь. – Воспитанники детдома. Сначала несколько детишек пропало без вести. Искали всем городом. И мы тут тоже искали. Перевернули на острове все, едва ли не под каждый камень заглянули.

– Вы уже тогда жили на острове? – спросил Елизаров.

– Да, я работала в детском доме воспитателем. Вела кружок рукоделия у девочек.

Образ рафинированной и утонченной леди никак не вязался с учительницей рукоделия. Наверное, недоверие это было написано на их с Елизаровым лицах, потому что Амалия снова улыбнулась:

– Жизнь порой бывает непредсказуема. Тогда мне казалось, что нет места скучнее, чем этот остров. Потом, когда все случилось, я уже думала, что нет

места страшнее. А теперь я научилась любить его и видеть его красоту. Остров не виноват в том, что сотворили с ним люди.

– Люди! – снова хмыкнула тетя Люся. – Один ирод сотворил, а вы, Амалия, до сих пор маетесь какими-то угрызениями совести.

– Я была там и ничем не смогла им помочь.

– Я тоже там была. – Повариха уперла кулаки в бока. – И Палыч там был, и много кто еще. Так что же нам всем теперь взять и повеситься оттого, что в Семке Горынычеве маньяка не разглядели?! Да и кто бы разглядел?! Он же с виду тихий был, во всех смыслах положительный.

– Я должна была разглядеть, – сказала Амалия. – Я ведь первая заметила, что Гордей пропал. Спросила Горынычева про мальчика, а он сказал, что к бабке в деревню отвез.

– Ну и что с того? Отвез и отвез! Что вам было за дело до чужого детенка, когда с собственным столько горя хлебнули, что вспомнить страшно?! А Гордейка уже тогда был с придурью, вы ж сами помните, как учить его пытались, а он ни бе ни ме. Непутевый!

– Он несчастный, а не непутевый.

– Одно другому не мешает. Я про то, что не нужно себя винить за то, что вы что-то там недоглядели и что-то не смогли предвидеть. Кто ж мог подумать, что лиходея родного ребенка не пожалеет! А может, наоборот, пожалел, а? Чужих-то деток этот зверь с собой на тот свет забрал, а своего-то в живых оставил. Может, хоть перед смертью в нем что-то такое людское всколыхнулось?

– ...Сплетничаем, тетя Люся?!

За разговорами они и не заметили, как в кухню вошел высокий, статный, наголо бритый мужчина в стильных очках. В госте Ева тут же признала режиссера и продюсера Жана Орду, с ударением на первый слог. Не признать его было сложно даже такой затворнице, как она, ибо лицо его и фильмы его были везде, не только на экранах телевизоров, но и в Интернете. В жизни Жан Орда

выглядел еще интереснее и еще импозантнее, чем на экране. У него, несомненно, имелось то, что принято называть харизмой. И пользоваться ею Орда умел. Он улыбнулся одновременно всем присутствующим в комнате дамам, но показалось, что каждой в отдельности. Не переставая улыбаться, крепко пожал руку Елизарову. Этот жест был особенно хорош и трогателен, он максимально приближал великого режиссера и продюсера к народу. Елизаров, как представитель народа, не смутился, на рукопожатие гения ответил с такой энергией, что гений слегка поморщился от боли.

– Отчего же сплетничаем, Жан Валентинович?! – В голосе тети Люси слышалось обожание. – Просто обсуждаем дела давно минувших дней.

– Это каких таких дней? – Орда придвинул к себе стул, оседлал его на ковбойский манер, уперся сизым от проклюнувшейся щетины подбородком в деревянную спинку. – Тех, что касались оборотней? Или тех, что касались албасты? Или, может, предвоенного волчьего нашествия?

Ответить ему никто не успел, в кухню вихрем ворвалась рыжекудрая, длинноногая девица. Была она хороша особой красотой, присущей только рыжим, и красоту свою явно осознавала и умела ею пользоваться.

– Это какой-то кошмар! – воскликнула девица, не здороваясь. – Жан, это просто какой-то ужас! – Она прогарцевала к Орде, по пути едва не споткнувшись о вытянутые ноги Елизарова. – Нам нужно валить из этой дыры!

– Диана, дорогая, – Орда успокаивающе похлопал девицу по крупу, как норовистую скаковую лошадь, – давай-ка успокоимся.

– Не могу! – Грациозно перебирая ногами и не менее грациозно взмахивая руками, девица Диана упала на свободный стул, со свистом выдохнула из себя воздух: – Вы вот тут сидите, кофеи попиваете и не знаете, что творится в городе!

А подружка Орды была хороша! Этакая рыжекудрая бестия – красивая и темпераментная! Не чета некоторым...

Роман уселся поудобнее, приготовился слушать. И город, и остров были полны всяческих тайн. Хорошо, что всегда находился человек, готовый поведать о страшных подробностях. Плохо, что история про детдомовских детей так и осталась без завершения, но это не беда, нынче почти все можно узнать в Интернете. Да и не спешил он никуда, искренне рассчитывал на задушевные беседы за традиционными для этого места ужинами. Надо же как-то время коротать.

- Что же там творится? - Орда хозяйским жестом заправил рыжую прядь за розовое ушко и ушко это тут же поцеловал. Молодая жена или очередная любовница? Роман поставил бы на любовницу. Орда не производил впечатления стареющего глупца, верящего в бескорыстную любовь юной нимфетки. А попользоваться молодым телом на взаимовыгодных условиях - это запросто. Кто бы отказался?

- Чаю мне! - велела нимфетка и неопределенно взмахнула рукой.

Тетя Люся изменилась в лице, но ослушаться приказа не посмела, вернулась к плите.

- У них тут маньяк людей убивает! - поведала Диана громким шепотом.

- Каких людей, милая? - Орда враз посерьезнел и подобрался. Сказывались профессия и любовь к хоррору?

- Всяких разных людей. - Двух девок каких-то и старика-ювелира. Всех ножом по горлу, представляете?! Старика-то не жалко, ему сто лет в обед, а девок за что? Все, Жанчик! - Она вскочила на ноги, мотнула рыжей гривой. - Мы уезжаем отсюда! Я тебе сразу говорила, что нужно ехать на Лазурный Берег, а не в эту дыру. - Ну, что ты сидишь?! - Пальчики с безупречным маникюром сжали плечи Орды. - Вставай! Поехали!

- Сядь, лапушка. Сядь. - Голос Орды вроде бы и звучал ласково, но было в нем что-то такое, от чего лапушка Диана тут же послушно плюхнулась обратно, обиженно засопела. - На Лазурный Берег мы с тобой всегда успеем, а на малой родине я бываю редко.

- Каждое лето! - огрызнулась Диана. - Скучотища и тоска! А еще убивают...

– Я не понимаю... – Амалия вопросительно посмотрела на Орду. – Жан, что происходит?

Это прозвучало так, что сразу стало ясно: Амалия и Орда хорошо знакомы, и отношения их явно выходят за рамки деловых.

– В городе произошло два убийства, нам сегодня в кафе рассказали. – Роман покосился сначала на безупречные коленки Дианы, потом на блюдо с шоколадными печеньками и только потом поднял взгляд на Амалию. Хозяйка Черного замка ему нравилась. Интересная, не лишенная обаяния и ума дама. Она могла бы найти себя в любом другом месте, но еще в юности выбрала остров и оставалась ему верна. Удивительная преданность. – Молодых девушек нашли мертвыми на берегу озера. Второе убийство было совершено сегодня, а про первое вы должны были уже слышать.

– Я слышала, – вместо Амалии заговорила тетя Люся. – Вы в тот день как раз в Пермь ездили за бумагами. Я не стала рассказывать, подумала, может, еще обойдется.

– Не обошлось... – Голос Амалии вдруг упал до шепота. – Девушки молодые?

– Старухи! – пренебрежительно хмыкнула Диана и так же пренебрежительно ткнула пальцем в Еву: – Такие, как она.

Не то чтобы Елизаров так уж хорошо разбирался в возрастных особенностях дам, но в дамском тюнинге разбирался точно. Наметанный глаз и жизненный опыт подсказывали ему, что нимфетка Диана лишь ловко прикидывается нимфеткой, а на самом деле годков ей далеко за двадцать. А Ева на столь оскорбительный для любой женщины выпад отреагировала совершенно спокойно. Вернее, вообще не отреагировала. Вот же чудо!

– Но как знать! – Диана воздела очи к потолку. – Сегодня этот ваш маньяк режет старух, а завтра примется за молодых. Жан, ты меня слышишь?

– Я тебя слышу, дорогая. – Орда выглядел задумчивым и сосредоточенным, рассеянно скреб щетинистый подбородок. – А что там с ювелиром?

Не то чтобы Елизаров так уж пристально следил за Евой, но тень, промелькнувшую на ее лице, заметил. И то, как сжались в кулак тонкие пальцы.

– Это вы сейчас про кого говорите? – спросила Амалия упавшим голосом. – Про Марка Витальевича?

– Я про ювелира говорю, – фыркнула Диана. – Много у вас в этой дыре ювелиров?

– Лапушка... – Орда глянул на любовницу так, что та вздрогнула. – Здесь тебе не Ницца и не Монте-Карло, здесь моя родина и мои люди. Поэтому, уж будь так любезна, веди себя прилично.

Про родину Елизаров понял, ностальгия и все такое. А вот что означало «мои люди»? Надо бы порасспрашивать или в Интернет заглянуть. А Орда виновато и ободряюще улыбнулся Амалии. В ответ та равнодушно дернула плечом. Королевы не снисходят до капризов куртизанок, они их даже не замечают.

– Жанчик, я ведь и в самом деле не знаю, что там за ювелир, – проговорила Диана вполне нормальным, человеческим даже тоном. – Сказали, старик, городской старожил, убили сегодня утром. Сначала ограбили, а потом убили. Может быть, даже пытали. Ты представляешь?

– Не представляю. – Орда озадаченно потер лысину, сдернул с переносицы очки, положил на стол. И по взгляду его сразу стало ясно, что очки без диоптрий, что носит он их исключительно для имиджа. – Кому мог помешать милейший Марк Витальевич? Ведь божий одуванчик был, а не старик.

– Скажете тоже, Жан Валентинович, божий одуванчик! – не удержалась от комментария тетя Люся. – Он хоть и старый уже был, но крепкий. Не старик, а камень. Да если бы не этот ирод, – она всхлипнула, – он бы еще жил и жил.

– Мы завтракали с ним на прошлой неделе, – сообщила Амалия растерянно. – Пили кофе у Эммы.

– Завтракали? – Орда удивленно приподнял бровь.

– У меня возникла идея устроить в замке выставку его работ. Как раз во время змеефеста. У него ведь чудесные работы были, просто великолепные! Я своими глазами видела.

– Я тоже видел. – Орда перестал тереть лысину, поскреб импозантный щетинистый подбородок. – В Вене в прошлом году. Любопытные вещицы, необычные.

– Мы с ним обсуждали другие работы. Их даже в каталогах нет. Что уж говорить про выставки! И, представьте себе, он почти все украшения хранил в своей квартире! Я понимаю, что у него сейф был и сигнализация, но все равно ведь это крайне безответственно... – Амалия замолчала, потерла виски таким красноречивым жестом, что Роман сразу заподозрил у королевы Черного замка мигрень. – Я ему так и сказала, даже специально встречалась в Перми со знакомым банкиром, чтобы Марк Витальевич смог у него зарезервировать ячейку. И он обещал, что так и сделает. У него оставалась одна работа незаконченная...

– Какая работа? – спросила молчавшая все это время Ева.

– Я не видела. – Амалия пожала плечами. – Марк Витальевич никогда не показывал свои работы до их завершения, считал это плохой приметой. Помнится, он только сказал, что вещь эта бесценная, что он всю свою жизнь шел к ее созданию.

– Бесценная, это как? – лениво поинтересовался Орда. – Не бывает в этом мире бесценных вещей, все имеет свою цену. Тебе ли этого не знать, Амалия?

Она не ответила, только глянула как-то странно, то ли с горечью, то ли со злостью, снова отвернулась к окну.

– Короче, грабанули деда, – резюмировала Диана, которой, видимо, надоело быть лапочкой и хорошей девочкой, а захотелось поучаствовать в дебатах. – Деда грабанули, хату обнесли, а бесценную хрень украли.

– Велик и могуч русский язык! – простонал Орда и снова надел очки. – Да что ж там за бесценная вещь такая?

– Полозову кровь у него украли. Вот что! – заговорила тетя Люся и обвела присутствующих победным взглядом. – Если уж и было у ювелира что-то бесценное, так это она.

– Что еще за Полозова кровь? – Орда в нетерпении подался вперед. – Украшение так называлось?

– Не украшение, а металл, из которого оно было сделано. – Интерес продюсера тетя Люся восприняла как сигнал к действию: приободрилась, оживилась. – У нас же тут места какие?

– Волшебные у нас тут места. – Орда кивнул.

Диана презрительно фыркнула:

– Волшебные и мистические. Тут уже который год творится... всякое.

– Давно уже не творится, – сказала Амалия неожиданно резко, и Диана снова фыркнула, на сей раз многозначительно. Роман мысленно согласился с ее скептицизмом. Три зверских убийства за пару дней – это уже явный перебор.

– А Полозова кровь все равно существует! – Тетя Люся упрямо вздернула подбородок. – Мне еще дед рассказывал, а деду доктор Палий, Эммы нашей прадед.

– Еще одна местная знаменитость. – Орда подмигнул Роману. – Не такая известная личность, как Август Берг, но все же. Врачебная династия, с корнями и историей. Тот самый Палий, говорят, с Бергом был в приятельских отношениях. Вы уже слышали про нашего соотечественника?

– Кое-что, – Роман кивнул, – незаурядных талантов был человек.

– А у нас в Чернокаменске, куда ни плюнь, везде незаурядности. Такое тут необычное место.

– Мистическое, – подсказала Диана.

– Мистическое, – легко согласился он. – Вон мэр наш, Семашко Тимофей Петрович, на том и карьере свою построил, решил, так сказать, монетизировать нематериальные ценности. – О мэре он говорил легко и без пиетета, как о давнем знакомом. – Городу выгодны все эти дикие истории про оборотней и озерных монстров. Во сколько раз прибыль от туризма возросла? – Он вопросительно глянул на Амалию. Та равнодушно пожала плечами. – Точных цифр я не помню, но раз в десять как минимум. И это всего за пару лет! Да тут с этими страшными историями непаханая целина! Да я бы и сам придумал что-нибудь этакое на благо города.

– Полозова кровь – это не придумка! – Кажется, тетя Люся на Орду почти обиделась. Обидеться по-настоящему ей мешала продюсерская харизма. – Это его кровь и есть.

– Чья? – в один голос воскликнули Роман и Ева. Спросили и переглянулись раздраженно.

– Змеева.

– Того самого, чей каменный труп нынче соединяет остров с Большой землей? – Роман взгляд отвел первым, но подмигнуть девчонке не преминул.

– Может, того, а может, другого! – Тетя Люся пожала плечами. – Только говорят, что кровь его обладает небывалой силой. С виду она как обыкновенный металл, ничем не примечательная. Взглянешь и взгляд не остановишь. Но если хоть малую ее толику добавить в серебро, то получится украшение небывалой красоты.

– Только серебро? Золото не подойдет? – спросила Диана, покручивая на пальчике золотое колечко с внушительным бриллиантом.

– Про золото ничего не знаю, – отмахнулась от нее тетя Люся. – Наши-то мастера большей частью работали с серебром. А Марк Витальевич ведь мастер потомственный, дед его был наипервейшим на весь Урал ювелиром. Работы его, говорят, даже в коллекции самой государыни императрицы имелись. – Про государыню императрицу она сказала со значением, чтобы всем неверующим сразу все стало понятно. – А все почему? – спросила она и тут же сама себе ответила: – А потому, что был у него запас Полозовой крови. У деда был, и внуку

он его передал, шепнул небось мальцу на ушко перед тем, как его самого за решетку упекли, как врага народа, а мальчонку в наш детский дом сослали.

– А он тоже, значит, детдомовский был? – спросил Роман и взял с блюда печенку, не удержался.

– Был. – Тетя Люся кивнула. – Воспитывался здесь, на острове, под присмотром дядьки Кузьмы.

– Это тоже местная знаменитость, – пояснила Амалия. – Был человек охотником, считай, браконьером, а как на Стражевом Камне организовали интернат, так он к детишкам местным всем сердцем и прикипел. Почти двадцать лет возглавлял детский дом. Марк Витальевич был ему как сын. – Она вздохнула, вспомнила, наверное, что ювелира больше нет в живых.

– А Марк Витальевич прямо из детдомовских стен на фронт ушел, – продолжила тетя Люся. – Мальчишкой еще был зеленым, но уберег Господь, всю войну прошел без единой царапины. Потом его вроде как по миру изрядно поносило, в Чернокаменск он вернулся, только когда дядьку Кузьму хоронили, где-то в начале восьмидесятых. Приехал на похороны да так и остался. Мы тогда все дивились, как это, чтобы такой известный человек да осел в нашей глуши. А потом дивиться перестали, привыкли. Он ведь всегда нашим был, чернокаменским. Не могу даже представить, у кого рука поднялась, у какой гадины... – Она всхлипнула, вытерла накатившую слезу.

– А наследники? – спросила Ева и перекинула косу через плечо. – У него остались наследники?

Вопрос был странный, даже в каком-то смысле бестактный, но никто не удивился.

– Нет, насколько я знаю, – сказала Амалия. – Марк Витальевич всегда говорил, что он волк-одиночка. Ни жены, ни детей у него не было. Возможно, какие-то дальние родственники, но я сомневаюсь.

– А наследство-то небось после деда останется немалое. – Диана задумчиво почесала кончик идеального носа. – Не все ж он в хате держал, должны ж еще счета остаться, депозиты там всякие. Кому теперь все это богатство достанется,

если он волк-одиночка? – Она вопросительно посмотрела на Орду.

– Да не наше это дело, лапочка, – ответил тот раздраженно. – Хорошего человека убили, вот о чем думать надо.

– Вот и я говорю – человека убили, да и не одного, – кивнула Диана. – Валить отсюда надо, Жанчик.

Орда хотел было что-то сказать, как в кармане его пиджака ожил мобильный. На экран телефона он глянул лишь мельком, виновато улыбнулся присутствующим и торопливо вышел из кухни. Наверное, разговор предполагался приватный.

Диана тоже встала, раздраженно дернула плечиком, удалилась, не прощаясь. Что ни говори, а в воспитании ее были такие пробелы, закрыть которые не под силу даже гениальному продюсеру.

Следом встала из-за стола Ева. У этой хватило чувства такта, чтобы поблагодарить тетю Люсю за печеньки, а Амалию за гостеприимство. На Романа она даже не глянула, осторожно, стараясь не задеть, переступила через его ноги, направилась к выходу из кухни.

– Вас ждать на ужин? – спросила Амалия, обращаясь одновременно и к ней, и к Роману.

Прежде чем ответить, Ева замешкалась, а Роман мешкать не стал.

– Ждать! – сказал радостно. – Непременно ждать!

– Я постараюсь прийти. – Ева решила.

Постарается она! Интересно, что у нее за планы? Впрочем, и у него дело есть. Легенды легендами, а работа сама себя не делает. И деду нужно позвонить, чтобы не волновался.

До ужина оставалось еще довольно много времени, и Ева решила не тратить его впустую. Осмотреть остров и замок во всех деталях она сможет и позже, а

сейчас неплохо бы съездить в Кутасовскую усадьбу, которая нынче приобрела статус музея. Да и к городу присмотреться. Вдруг да и всплывут в голове какие-то воспоминания. Конечно, она была еще слишком мала, чтобы запомнить хоть что-нибудь, но ведь они жили какое-то время в Чернокаменске. Ева это точно знала. Со слов Геры. Потому что собственных воспоминаний у нее не осталось. После сеансов милейшего доктора Гельца практически все ее воспоминания о детстве были обрывочными и хаотичными. То ли воспоминания, то ли мутные предрассветные сны, из которых хочется побыстрее вынырнуть в явь. А может, это и в самом деле сны? Доктор Гельц был милосерден, но не всесилен. Он и так сделал для Евы очень много, научил худо-бедно справляться с собой и окружающим миром. Но воспоминания...

Ева замерла, задумчиво посмотрела на горгулью, которая тянула костистую шею, стараясь заглянуть в окно ее комнаты. Мысль была простой и яркой, как солнечный зайчик. Она осветила закоулки Евиной памяти, и в том месте, где еще совсем недавно была темнота, родился один-единственный вопрос. Когда Ева стала такой, какой стала? Или не стала, а родилась? Рождаются ведь дети с аутизмом или синдромом Аспергера, живут в своем собственном, непонятном обычным людям мире. Есть ли у них, таких особенных, таких неправильных, воспоминания? Ведь должны быть...

Ева помахала рукой горгулье, плюхнулась на кровать, крепко задумалась. Осознавать себя как необычного и до крайности сложного ребенка она стала, наверное, лет с десяти. Как раз тогда у нее и начались проблемы, которые доктор Гельц деликатно называл нестабильностью. Начались или были с самого рождения? Раньше у нее и мыслей не возникало спросить об этом у брата. Было страшно и одновременно стыдно. Он и без того сделал для нее очень много.

Они осиротели, когда Еве исполнилось двенадцать, а Гере двадцать один. У них были разные мамы, но по факту одна. Первая папина жена, очень красивая и очень молодая, оказалась не готова к роли не только жены, но и матери. Она ушла из Гериной жизни по-английски, едва тому исполнился год. Искал ли ее папа, пытался ли вернуть? Ева не знала, а Гера говорил, что судьба незнакомой женщины ему неинтересна. Было ли это равнодушие следствием незаживающей душевной раны, Ева тоже не знала, не решалась спросить, но подозревала, что Гера и в самом деле считает «ту женщину» чужим человеком. И не было у него особой душевной травмы, потому что вторая папина жена, Евина мама, приняла его сразу и безоговорочно, растила, жалела, любила. До тех пор, пока не родилась Ева. Ева родилась, а мама умерла. Тяжелые роды, очень тяжелые... Так

Гера осиротел во второй раз.

Наверное, Еву ни в чем не винули. Во всяком случае, те обрывочные воспоминания о детстве, которые у нее остались, приносили не мутную пену боли и обид, а ощущение тепла и нужности. Наверное, она винула себя сама. Эдакие подсознательные терзания маленького ребенка, считающего себя убийцей собственной мамы. Наверное, поэтому она стала такой, какой стала. Однажды Ева решилась и спросила об этом доктора Гельца. Спросила о подсознательном чувстве вины и может ли оно разрушать ее изнутри так яростно и жестоко. Доктор Гельц, неизменно мягкий и терпеливый, тогда ответил ей неожиданно резко:

– Даже не смей об этом думать, Евдокия! Ты ни в чем не виновата, и твоя мама не хотела бы, чтобы ты так думала. Это жизнь, девочка.

– Несправедливая жизнь! – В компании доктора Гельца Еве не нужно было притворяться или испуганно шарахаться от чужих неосторожных жестов. Доктор Гельц знал ее лучше остальных и никогда не посмел бы обидеть.

– Жизнь бывает разной, девочка. Ты можешь думать о ней все что угодно, но не вини себя в чужих несчастьях.

Почти то же самое он сказал Еве в день гибели папы. Высокая скорость, скользкая дорога, спешка... В тот день папа узнал про очередной Евин криз, он спешил к ней в клинику. Так была ли она невиновна в том, что случилось?..

А про Геру Ева у доктора Гельца никогда не спрашивала. Не нужно было – она знала наверняка, что стала невольной причиной его нынешнего состояния. Откуда знала? Рассказали добрые люди. Мир ведь не без добрых людей...

Еще один криз у маленькой сложной девочки. Такой серьезный, такой опасный, что девочка ушла из дома, заблудилась, пропала. Ее искали все, в том числе Гера. Искал Еву, а нашел свою болезнь. Оступился, упал с обрыва, повредил позвоночник. Гера не рассказывал ничего, но «добрые люди» знали все. «Добрые люди» были уверены, что это Ева стала причиной его травмы. Буйные – они ведь такие непредсказуемые, такие сильные. Что им стоит причинить вред? Неосознанно. Господи правый, разумеется, неосознанно! Бедная девочка ни в чем не виновата, но все же, все же...

Именно так, слово в слово, шептала Евиной няне Герина сиделка. А память, которая до этого не раз и не два предавала Еву, на сей раз оказалась такой крепкой, что каленым железом выжгла в мозгу одно-единственное слово – «виновна». Виновна во всем, и жить ей теперь с этим колким, пахнущим горелой плотью чувством до самого конца. Или не жить...

Наверное, она бы ушла, придумала бы, как уйти. С теми таблетками, что давали ей по назначению доктора Гельца, это оказалось бы легко. Останавливало лишь одно: когда ее не станет, Гера осиротеет в четвертый, самый последний раз. И Ева держалась из последних, уже почти истощившихся сил. Даже такую страшную, даже во всем виноватую, Гера ее все равно любил.

А полтора месяца назад Ева получила письмо от Марка Витальевича Атласа. Его письмо начиналось так странно, так неожиданно. «Дорогая Евдокия, я виноват...» И в ее жизни забрезжила надежда на искупление. Возможно, надежда эта осталась в живых даже после смерти ювелира. Еве оставалось лишь найти пропавшую Полозову кровь. Или вещь, которая была из нее сделана...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-korsakova/zov-serebra>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)